

HISTORIA ROSSICA

К. ПИКЕРИНГ АНТОНОВА

ГОСПОДА ЧИХАЧЁВЫ

МИР ПОМЕСТНОГО
ДВОРЯНСТВА
В НИКОЛАЕВСКОЙ
РОССИИ

НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Historia Rossica

Кэтрин Пикеринг Антонова
Господа Чихачёвы

«НЛО»

2013

УДК [323.31(47+57)«18»]:392
ББК 63.3(2)521.2-282.5-77

Пикеринг Антонова К.

Господа Чихачёвы / К. Пикеринг Антонова — «НЛО»,
2013 — (Historia Rossica)

Наши представления о том, как жили русские дворяне XIX века, во многом сформированы чтением классики художественной литературы – от И. С. Тургенева до М. Е. Салтыкова-Щедрина. Микроисторическое исследование К. Пикеринг Антоновой позволяет узнать о повседневной жизни дворян из первых уст. На основе уникальных архивных материалов в книге воссозданы быт и мировоззрение провинциального среднепоместного семейства второй четверти XIX века. В центре внимания – семья жителя Владимирской губернии, мецената и благотворителя Андрея Чихачёва. Документы его архива наполнены заботами о хозяйстве и детях, тревогами об урожае, здоровье, судебных тяжбах с соседями и отношениях с крепостными крестьянами. Анализируя эти материалы, автор раскрывает представления о власти и личности, обществе и вере, просвещении и романтизме, описывает круг общения Чихачёвых и показывает, как понятия и ключевые идеи эпохи распространялись и приживались в условиях российской провинции. В частности, «мужские» и «женские» гендерные роли, присущие господствовавшей в XIX веке идеологии домашней жизни, могли меняться местами (отец семейства занимался воспитанием детей, мать управляла финансами и крестьянами), а консервативные и либеральные идеи мирно сосуществовать в сознании помещиков средней руки. Кэтрин Пикеринг Антонова – специалист по российской истории, преподаватель Куинс-колледжа Городского университета Нью-Йорка (Queens College, CUNY).

УДК [323.31(47+57)«18»]:392
ББК 63.3(2)521.2-282.5-77

© Пикеринг Антонова К., 2013

© НЛО, 2013

Содержание

Предисловие к русскому изданию	6
Благодарности	8
Предисловие	10
Введение	13
Глава 1	20
Глава 2	34
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Кэтрин Пикеринг Антонова

Господа Чихачёвы

Мир помещного дворянства в николаевской России

Предисловие к русскому изданию

Моя книга изначально написана на английском и предназначена в основном специалистам по истории России. Книга создавалась в рамках научных дискуссий о развитии российских элит и в особенности помещного дворянства первой половины XIX века, а также о функционировании крепостнической системы накануне ее отмены. В книге рассматриваются и вопросы восприятия в условиях российской провинции ряда важнейших общеевропейских культурно-политических понятий, таких как различные варианты консервативной мысли, господствовавшая тогда идеология домашней жизни (domesticity) и связанные с ней гендерные понятия.

Что же касается данного перевода, то в этом случае была поставлена более расширенная задача: не только сделать монографию доступной для тех ученых, которым затруднительно прочитать ее в оригинале, но и дать возможность читателям-неспециалистам узнать о повседневной жизни дворян «пушкинского поколения», как говорится, из первых уст. В книгу вошли уникальные материалы дворянской семьи Чихачёвых, проживавших в небогатой усадьбе в Ковровском уезде Владимирской губернии и оставивших на редкость насыщенный семейный архив. Книга дополняет, а подчас и опровергает сведения о дворянской жизни эпохи крепостного права, почерпнутые в своем большинстве из художественной литературы или исторических исследований, основанных на архивах богатейших аристократических семей – таких, как Гагарины или Шереметевы. Чихачёвы же принадлежали к обширной массе «среднепоместных» дворян, живших в комфорте, но без излишеств и вовсе не горевших желанием вести жизнь титулованной знати. Об их жизни до сих пор было известно не так много, и глубоких детальных исследований, насколько позволяет судить анализ научных трудов по данной проблематике, практически не было.

Помимо этого, в процессе перевода были исправлены некоторые погрешности, а цитаты из архивных документов заново проверены, так что исследователи, на каком бы языке они ни писали, могут использовать эти цитаты для своих собственных работ.

Книга определяет и объясняет ряд важнейших с научной точки зрения вопросов, поднятых в дневниках и письмах Чихачёвых и их родных, а также рассматривает эти документы в более широком историческом контексте. С этой целью использована литература как по российской истории, так и по истории Великобритании, США и других стран. Кроме того, в книге приведено достаточно много живых конкретных деталей о быте и мировоззрении членов семьи Чихачёвых для того, чтобы сделать наиболее значимые аргументы как можно более ясными и убедительными. Необходимо отметить, что книга не исчерпывает исследовательский потенциал архива Чихачёвых, который, хотя и был ранее использован другими историками и краеведами, например С. Смит-Питер, Т. Н. Головиной и Н. В. Фроловым, по-прежнему ждет новых исследователей. Особый интерес этот архив может представлять для историков материальной культуры, экономики, экологии, сельского хозяйства и садоводства, а также всех аспектов крепостного строя – всех тем, которые эта книга затрагивает в той или иной степени, оставляя при этом значительное пространство для будущих работ. Учитывая уникальное культурное значе-

ние архива Чихачёвых, мне хочется выразить надежду, что в дальнейшем все документы их фонда будут оцифрованы или даже опубликованы.

Есть один важный вопрос, который оказалось сложно разъяснить. Он касается внешности героев книги. Мы знаем, что в 1831 году местный художник Иван Ильич Орехов написал семейный портрет Чихачёвых, а в 1842 году с них были сняты дагеротипы. Эти картины, если они вообще уцелели, до сих пор могут где-нибудь храниться как портреты неизвестных лиц. Мы знаем, что Андрей Иванович Чихачёв носил очки, имел «отколотый» зуб, «седоватые височки и рыжие усики», но описания внешности его жены или детей не сохранились. Большая часть имущества Чихачёвых была утрачена после 1917 года, но документы семейного архива были сохранены в Государственном архиве Ивановской области, скорее всего заботами правнучки Андрея Ивановича – Елены Константиновны. Принадлежавшие Андрею Ивановичу номера «Земледельческой газеты» оказались в Шуйском краеведческом музее. Сама усадьба Чихачёвых в деревне Дорожаево после революции была превращена в деревенскую школу, которая там располагалась в 2004–2005 годах, когда мне удалось посетить эту столь интересующую меня усадьбу. В школе был создан небольшой музей дворянского быта, и, учитывая неиссякающий интерес местной общественности к этой семье, есть надежда, что семейные портреты Чихачёвых или другие принадлежавшие им предметы отыщутся, может быть, даже с помощью читателей этой книги.

К огромному сожалению, в 2009 году школа в Дорожаево была закрыта. Но два года спустя здание приобрела предприниматель из г. Иваново Светлана Разина и приступила к жизненно необходимым ремонтным работам при помощи краеведа и филолога Т. Н. Головиной, посвятившей более двадцати лет изучению истории семьи Чихачёвых. В 2016 году блогер Вадим Разумов опубликовал интереснейшие материалы об усадьбе с множеством хорошего качества фотографий, как современных, так и начала XX века¹. На одной из них изображен Константин Чихачёв с родными, а за их спиной на стене висят два портрета – мужской и женский, которые вполне могут быть вышеупомянутыми дагеротипами Андрея и Натальи, снятыми в 1842 году. Однако судьба усадьбы до сих пор находится под вопросом, так как в 2017 году она была снова выставлена на продажу. Может быть, моя книга поможет раз и навсегда определить и разъяснить громадное историческое и культурное значение наследия семьи Чихачёвых, их архива и усадьбы, как представляющих широкий, но почти незадокументированный слой российских дворян «средней руки», часть того самого среднего класса, который якобы отсутствовал в дореволюционной России. никоим образом не претендуя на исчерпывающий охват темы, я надеюсь, что моя книга, в дополнение к трудам Н. В. Фролова и Т. Н. Головиной, послужит основанием для более полного постижения и раскрытия того, что Чихачёвы сделали и что хотели рассказать потомкам о мире, в котором они жили и который создавали с любовью и старанием.

Выражаю искреннюю признательность редактору серии Ирине Ждановой, а также Г. Н. Ульяновой, О. В. Стукаловой и И. В. Жгенти за ценные советы, сделанные при редактировании рукописи перевода.

¹ См.: <https://deadokey.livejournal.com/196637.html>.

Благодарности

Основным источником финансирования этого исследования явился грант фонда Фулбрайта, а несколько дополнительных кратких командировок стали возможны благодаря поддержке Института Гарримана Колумбийского университета, а также Профессионального союза сотрудников Городского университета Нью-Йорка (PSC–CUNY). Я благодарна всем работникам архивов, библиотекарям и хранителям музеев, которые помогли мне найти материалы для исследования. Глубокую признательность выражаю сотрудникам Государственного исторического архива Ивановской области (ГАИО). Появление этой книги стало возможным благодаря великодушию и поддержке директора ГАИО, Л. Н. Лисициной, заместителя директора Н. А. Муравьевой и главы исследовательского отдела О. И. Захаровой, а приятное общество и профессиональные советы заведующей читальным залом Е. В. Манерцевой значительно облегчили мою работу. Я благодарю профессора К. Е. Балдина и Н. Г. Ремизову из Ивановского государственного университета за поддержку, а университетских библиотекарей – за предоставленную возможность изучить хранящиеся в их фондах газеты и журналы. Благожелательные хранители Шуйского краеведческого музея открыли для меня собрание писем Чихачёвых, а также переплетенные журналы с собственноручными пометками Андрея. Сотрудники Русского музея в Санкт-Петербурге были очень добры и любезны, разрешив воспроизвести две картины из их собрания.

Мое пребывание в Иваново украсили доброта Людмилы Леонидовны Бурлаковой и ее сына Игоря и поддержка Регины Чумаковой. Игорь и Регина помогали мне организовывать поездки в деревню для осмотра дома Чихачёвых и других местных достопримечательностей и сами участвовали в этих приключениях. Я безмерно благодарна Галине Петровне, Любви Борисовне и Зое Александровне, учителям деревенской школы в Дорожаево, за два восхитительных дня в усадьбе, некогда принадлежавшей Чихачёвым. Я никогда не забуду дни, проведенные там, – и особенно чаепитие, которое они устроили в комнате, некогда бывшей спальней Натальи Ивановны. Я благодарю также Владимира Смирнова, священника деревенской церкви Зименок, за экскурсию и беседу. Благодаря семье Шашковых пребывание в России во время моих исследовательских командировок стало значительно комфортнее.

Мои научные руководители из Колумбийского университета, профессор Ричард С. Уортман и профессор Марк Л. фон Хаген, ныне покойный, поддерживали меня в период работы над диссертацией и великодушно стали ее читателями. Также я многим обязана поддержке и критике профессора Барбары Алперн Энгель из Университета Колорадо в Боулдере. Сюзан Смит-Питер из Колледжа Статен-Айленд не только впервые рассказала мне о Чихачёвых, но и делилась своими знаниями, пока я занималась этим проектом. Мишель Ламарш Маррезе, чьи научные работы впервые заставили меня задуматься над темой данного исследования, щедро делилась со мной имеющимися знаниями и дала несколько прекрасных советов (а также в нужный момент дополнила мои материалы важной ксерокопией из библиотеки Хельсинки). Работа бок о бок с Беллой Григорян, замечательной коллегой и подругой, служила неизменным источником вдохновения. Профессор Элис Кесслер-Хэррис и профессор Ирина Рейфман давали бесценные советы при написании диссертации, которые оказались весьма полезными при редактировании. В Колумбийском университете я также многое почерпнула на оживленных аспирантских семинарах под руководством профессора Кесслер-Хэррис и профессора Брэдли Абрамса. Я благодарна всем своим сокурсникам, и особенно Алин Волдуар, за внимательное прочтение черновиков и комментарии, поддержку и дружбу. Кроме того, я признательна Алин за переводы с французского, при этом все возможные ошибки – на моей совести. Благодарю за ценные комментарии всех участников семинара по славяноведению в Колумбийском университете и коллоквиума по русистике в Институте Гарримана, а также всех, кто присутствовал

на конференциях, где я выступала с докладами по некоторым темам, представленным в этой книге.

Куинс-колледжу Городского университета Нью-Йорка я благодарна за предоставление мне академического отпуска для работы над этой книгой. Я также очень высоко ценю моральную и материальную поддержку коллег и администрации исторического факультета. Книга стала лучше благодаря анонимным рецензентам из издательства Оксфордского университета, а также вдумчивой и интенсивной редакторской работе Нэнси Тофф и Сони Тайко.

Моя увлеченность работой стала своеобразным «испытанием» для моих родных и друзей. Я благодарю моих родителей – Крис Смит Пикеринг и Дэниэла Пикеринга и особенно мою старшую дочь Аню за ее терпение. Эта книга никогда бы не была закончена без душевной и интеллектуальной щедрости Сергея Антонова, который был моим первым читателем, редактором, критиком, оказывал всемерную поддержку в течение всей работы над книгой.

Предисловие

В 1970-х годах в малоизвестном советском городе Коврове рабочий завода и сын бывшего бойца Красной армии Олег Чихачёв получил звание «Почетный ветеран труда». Олег был ничем не примечательным советским гражданином, но всего два поколения назад его семья владела несколькими дворянскими имениями. Его отец Анатолий, сын дворянина, в начале 1920-х годов, по окончании Гражданской войны, уволился из Красной армии и стал учителем математики. Тетя Олега, Елена, помогла превратить принадлежавший семье особняк в деревенскую школу и до замужества преподавала в ней. Новая советская власть ассимилировала множество бывших дворян, включая семью Олега. Среди них были как те, чьи семьи оказались недостаточно состоятельны или влиятельны, чтобы эмигрировать после революции 1917 года, так и те, кто избежал недоброжелательного внимания большевиков или мстительности местных крестьян, а также те, кто не был достаточно полезным, чтобы новый режим активно мог использовать его в качестве «буржуазного специалиста»².

В бурные годы революции и Гражданской войны значительная доля общенационального и местного исторического наследия России была уничтожена, но к середине 1920-х годов краеведческое движение вступило в новый период расцвета: возможно, это была реакция на недавнюю потерю столь значимой части традиции³. В 1925 году собрание документов Чихачёва было передано вновь учрежденному Государственному историческому архиву Ивановской области. Несколько книг, принадлежавших ранее давно покойному предку Чихачёва, перешли в собственность Шуйского краеведческого музея. Сегодня эти документы представляют собой, насколько нам известно, наиболее обширный и подробный архив помещичьей семьи, хранящийся в российской провинции.

Отец Анатолия и Елены, Константин Алексеевич Чихачёв, умер в начале 1918 года, так и не узнав о большевистской революции. В молодости, в 1880-х годах, Константин вел дневник, подражая своему почтенному и любимому деду Андрею Ивановичу Чихачёву. Андрей Иванович, благодаря опубликованным им статьям и активной благотворительности, уже к моменту рождения внука Константина стал легендарной личностью местного масштаба. Среди его начинаний было основание первой в губернии бесплатной публичной библиотеки (переданные в 1920-х годах в Шуйский музей книги были единственным, что от этой библиотеки осталось). Но, как было известно Константину, содержание личных записей Андрея, его жены Натальи и их сына Алексея (отца Константина) было не менее удивительным, нежели благотворительные поступки Андрея.

Переданное в Ивановский архив собрание документов состоит из сотен страниц частных записей Андрея, Натальи и Алексея с 1830 по 1866 год, а также отдельных документов, датированных 1820-ми и 1870-ми годами. Все собрание дает возможность представить исключительно подробную картину провинциальной помещичьей жизни середины XIX века. Даже в Соединенных Штатах Америки или Западной Европе, где, в отличие от России, собрания исторических документов не были разорены революцией и не подвергались жестокой цензуре, подобный семейный архив той эпохи был бы примечательной находкой.

В дополнение дневников членов семьи, которые велись на протяжении нескольких лет, сотен полученных Андреем писем, а также деловых и юридических документов, позволяющих установить некоторые обстоятельства жизни Чихачёвых, в собрание входит также ряд записных книжек, содержащих то, что в семье называли «почтовыми сношениями». В 1830-х Чиха-

---

² Смирнова Т. М. Бывшие люди Советской России. Стратегии выживания и пути интеграции. 1917–1936 годы. М.: Мир истории, 2003.

³ Smith-Peter S. How to Write a Region: Local and Regional Historiography // Kritika. 2004. Vol. 5. № 3. P. 527–542.

чёвы проводили часть года в соседнем имении Якова Чернавина, брата Натальи и близкого друга Андрея. В тот период каждое из этих двух семейств вело записную книжку для записи всех мыслей, которыми хотелось поделиться с другой «стороной». И всякий раз, когда прислуга или член одной из семей посещал другую, происходил обмен этими записными книжками. Такая переписка была похожа не столько на обмен письмами, сколько на беседу, полную непринужденных острот, соболезнований, размышлений, шуток и всевозможных подробностей повседневной жизни.

Сегодня эти документы хранятся в Государственном архиве Ивановской области, в городе Иваново, куда можно за пять часов доехать из Москвы на машине. Хотя село Иваново и было расположено в самом сердце европейской части России, лишь в 1871 году оно, присоединив Вознесенский посад, стало городом Иваново-Вознесенском. Центр текстильной промышленности и место знаменитой стачки, которая, согласно советской историографии, положила в 1905 году начало «первой русской революции», город Иваново (как он называется с 1932 года) всегда ассоциировался с промышленностью, а в имперские времена – с купечеством, заправлявшим здесь торговлей текстилем. Поэтому историки, посещающие Ивановский архив, чаще всего запрашивают документы, касающиеся промышленности, деловой жизни, революционных событий или купечества. Исследователи жизни провинциальных помещиков обычно едут куда угодно, но только не в Иваново. А до 1991 года иностранным историкам и вовсе было сложно посетить этот город (недалеко от него располагается крупная военная база, Иваново-Северный).

К достопримечательному архиву Чихачёвых почти никто не прикасался со времени его передачи в 1925 году и до середины 1990-х, когда несколько местных историков обнаружили его и начали публиковать статьи об Андрее Ивановиче и его сочинениях⁴. Несколько лет спустя американский историк Сьюзан Смит-Питер во время поисков сведений о провинциальных членах Московского общества сельского хозяйства наткнулась на архив. Она написала статьи об основании Андреем Ивановичем публичной библиотеки и других фактах его участия в жизни местного гражданского общества⁵. Именно Сьюзан Смит-Питер в ответ на вопрос, можно ли отыскать в провинции дневники женщин-дворянок, рассказала мне об архиве Чихачёвых и, в частности, о входящих в него дневниках Натальи Чихачёвой.

Я искала записи провинциальных помещиц, не принадлежавших к немногочисленным богатым и прекрасно образованным семействам, из которых в те времена, как правило, выходили писатели (и которые для управления своим имуществом обычно нанимали посторонних лиц). Я хотела понять историю семей, которые не формировали, а «потребляли» культурные образы своей эпохи. К сожалению, известно, что записи, оставленные неизвестной женщиной, практически не имеют шансов сохраниться в архиве. Однако архив Чихачёвых содержит несколько обстоятельных дневников помещицы Натальи Ивановны Чихачёвой, о которой прежде никто никогда не слышал (тот факт, что муж Натальи Чихачёвой оказался сам по себе интересным человеком, оставившим большое число рукописей, – чистая случайность). Я провела девять месяцев в читальном зале Ивановского архива, изучив практически каждое слово в документах из фонда семьи Чихачёвых и переписав значительную часть прочитанного от руки (поскольку иные способы копирования более чем нескольких страниц были в то время запрещены)⁶. Как результат моей исследовательской работы была написана эта книга.

⁴ В основном изучением наследия Андрея Чихачёва занимались краеведы Н. В. Фролов и Э. В. Фролова. Татьяна Николаевна Головина, литературовед из Ивановского государственного университета, опубликовала несколько статей о круге чтения Андрея, а О. А. Молякова – краткую характеристику содержания его статей, публиковавшихся во «Владимирских губернских ведомостях».

⁵ *Smith-Peter S. Books Behind the Altar: Religion, Village Libraries, and the Moscow Agricultural Society // Russian History. 2004. Vol. 31. № 3.*

⁶ Я так и не смогла получить два дела из фонда Чихачёвых, поскольку они находились на реставрации на протяжении

всего периода моей работы в архиве. Оба, судя по всему, содержали малосущественные юридические документы, подобные тем, с которыми мне довелось ознакомиться.

Введение

В российской провинции в середине XIX века одна женщина по имени Наталья Ивановна Чихачёва посвящала большую часть своего времени управлению несколькими поместьями, где трудилось несколько сотен крепостных крестьян. Она вникала в мельчайшие детали своего обширного хозяйства, а в это время ее муж Андрей Иванович уделял все свое внимание воспитанию двоих детей. Подобное распределение обязанностей поражает современного читателя, ибо кажется странным для России той эпохи, но Чихачёвы – как и их соседи и друзья – не видели здесь ничего необычного. На самом деле многие их современники распределяли семейные обязанности сходным образом.

Жизнь семьи Чихачёвых, на первый взгляд, противоречит принципам идеологии домашней жизни, в частности представлению, будто женщины должны сидеть дома, ухаживая за детьми, пока мужчины трудятся вне родного дома. Рассмотрение понятия «domesticity» (единого мнения о русском аналоге термина, относящегося к «сфере домашней жизни», в историографии пока нет) отсылает к хорошо известной дискуссии о теории «разделенных сфер» и о том, каким должно быть поведение идеальной женщины. Предполагалось, что идеальная женщина скромна и приятна в общении, ее энергия направлена на то, чтобы быть «ангелом дома», благоустраивать семейное гнездо и лелеять своих детей. Эта риторика начала возникать в западноевропейской художественной и дидактической литературе в первой половине XIX века – по мере того, как индустриализация все решительнее вела мужчин среднего класса от управления семейным делом (которое в доиндустриальные времена зачастую осуществлялось из дома и с помощью хозяйки дома) к работе в конторах, на промышленных предприятиях и в правительственных учреждениях. Дискуссия о «сфере домашней жизни» (domesticity) являлась – и даже сегодня является, хотя и в меньшей степени – весьма влиятельной. Но она была и остается всего лишь дискуссией, и в меньшей степени реальностью.

Несмотря на рост численности среднего класса на Западе и его влияния на общество, все больше принадлежавших к нему мужчин начинали работать вне дома; эти изменения не происходили в одночасье; жизнь многих людей была организована иначе и не соответствовала общей тенденции. Что немаловажно, поведение и убеждения людей оказывались гораздо сложнее, чем предполагали справочники. Это явление способствовало созданию гендерной нормы, которой реальные мужчины и женщины могли следовать, сопротивляться или не придавать значения⁷. Например, многие принадлежавшие к среднему классу отцы посвящали себя детям, а многие женщины работали вне дома или занимались еще какой-либо деятельностью, противоречившей идеальному образу «ангела дома» (хотя им подчас приходилось платить за это, если такие занятия воспринимались обществом как нарушение норм, описывающих правила домашней жизни)⁸.

⁷ Термин «гендер» отсылает к поведению, определяемому культурными представлениями о различии полов. Гендер – понятие историческое: представления о том, как следует вести себя мужчинам и женщинам, меняются в зависимости от времени и места. См.: *Scott J. W. Gender: A Useful Category of Historical Analysis // AHR. 1986. Vol. 91. № 5 (Dec.). P. 1053–1075.* В этом исследовании показано, как и с какими явными и неявными последствиями конструировались гендерные роли в пределах одной конкретной семьи. К сожалению, даже такие обширные собрания документов, как архив Чихачёвых, поднимают завесу не над всеми тайнами, и читатель, которого интересует в первую очередь женский опыт, будет разочарован наличием в этих документах обширных лакун там, где можно было бы надеяться отыскать какие-то намеки на то, что думала (а не делала) Наталья, или на то, каким было ее (а не ее мужа) мировоззрение.

⁸ Исследование представлений о домашней жизни в Западной Европе и Соединенных Штатах определило пределы применимости этого дискурса к породившему его обществу. Во времена королевы Виктории англичанки и американки среднего класса множеством способов восставали против него: трудясь на административных и секретарских должностях, учительствуя, ведя свое независимое или относительно независимое дело, участвуя в масштабных благотворительных и филантропических проектах и т. п. См.: *Branca P. Image and Reality: The Myth the Idle Victorian Woman // Clio's Consciousness Raised: New Perspectives on the History of Women / Ed. M. Hartman, L. Banner. N. Y.: Octagon, 1976. P. 179–191; Peterson M. J. No*

Литературовед Диана Грин писала о повсеместности домашней идеологии в российской прессе 1830–1840-х годов, демонстрируя, что европейские представления о домашней жизни были знакомы провинциальным читателям из дворян, таким как Чихачёвы. Вопреки некоторым исследователям, в своей книге я утверждаю, что идеи о домашней жизни не так уж легко принимались российским обществом, развивавшимся в экономических и политических условиях, очень отличавшихся от западноевропейских, где эти идеи зародились (хотя некоторые жители российской провинции читали о них)⁹. Особенно отличались от этого идеала представления провинциальных помещичьих семей о материнстве, и эта альтернативная модель материнства ключевым образом повлияла на повседневный опыт брака и родительства, а также понимание роли мужчины. Такая вариация гендерных норм в российских условиях значительно усложнила процесс усвоения западноевропейских представлений о домашней жизни в провинциальных дворянских семьях.

Для понимания гендерных отношений внутри помещичьих семейств XIX века крайне важной является книга Мишель Ламарш Маррезе о собственности российских дворянок¹⁰. Глубокое исследование юридических документов и мемуаров позволило Маррезе установить, что, в отличие от многих стран Западной Европы, где вступающие в брак женщины юридически лишались прав на собственность, замужние женщины в России не только по закону обладали этими правами, но и активно ими пользовались, зачастую распоряжаясь своими владениями независимо от мужа, а иногда – даже управляя собственностью мужа наряду со своей собственной. Эти женщины представляли себя и свои интересы в суде и, случалось, успешно вели тяжбы с целью защитить свою собственность от мужей-расточителей. Кроме того, проведенное Маррезе исследование мемуаров показало, что в XVIII и начале XIX века многие россияне писали о владевших собственностью женщинах как о совершенно обычном явлении, об их праве на собственность как о чем-то неоспоримом, а о них самих – как о прекрасных управительницах (любопытно, однако, что в художественных произведениях эти женщины часто описывались в гораздо менее лестных выражениях). Маррезе утверждает, что такое положение дел оказалось возможным из-за того, что русские помещики рассматривали управление имением как логичное продолжение занятий домашним хозяйством.

Учитывая многочисленность замужних российских женщин, управлявших своей собственностью отдельно от собственности мужей или распоряжавшихся всем семейным имуществом, то задача исследования семьи Чихачёвых – показать, как это обстоятельство могло повлиять на брак, на различия в представлениях мужчины и женщины на супружеские и родительские обязанности и как образованная российская публика воспринимала западноевропейские идеи о жене и матери как «ангеле дома» и об отце, чьей «естественной» ролью было участие в общественной жизни, если их жизнь зачастую отличалась от таких представлений.

Восприятие читателями таких понятий, как сфера домашней жизни (*domesticity*), заведомо имеет расплывчатый характер. За отсутствием иных доказательств предполагается, что

Angels in the House: The Victorian Myth and the Paget Women // AHR. 1984. Vol. 89. P. 677–708; No More Separate Spheres! A Next Wave American Studies Reader / Eds C. N. Davidson, J. Hatcher. Durham: Duke University Press, 2002, и др. исследования. Равным образом в ходе исследования концепций маскулинности XIX столетия было показано, что для многих мужчин (особенно в роли отцов) домашний быт составлял смысл жизни и основу личного самоопределения: *Frank S. M. Life with Father: Parenthood and Masculinity in the Nineteenth-Century American North*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1998; *Tosh J. A Man's Place: Masculinity and the Middle-Class Home in Victorian England*. New Haven: Yale University Press, 1999.

⁹ *Greene D. Mid-Nineteenth Century Domestic Ideology in Russia* // *Women and Russian Culture* / Ed. R. Marsh. N. Y.: Berghahn, 1998; *Tovrov J. The Russian Noble Family: Structure and Change*. N. Y.: Garland, 1987; *Cavender M. Nests of the Gentry: Family, Estate, and Local Loyalties in Provincial Russia*. Newark: University of Delaware Press, 2007; *Glagoleva O. Dream and Reality of Russian Provincial Young Ladies, 1700–1850* // *The Carl Beck Papers*. 2000. № 1405. P. 1–87; Русская провинциальная старина: Очерки культуры и быта Тульской губернии XVIII – первой половины XIX в. Тула: Ритм, 1993.

¹⁰ *Marrese M. L. A Woman's Kingdom: Noblewomen and the Control of Property in Russia, 1700–1861*. Ithaca; N. Y.: Cornell University Press, 2002 (см. рус. пер.: *Маррезе М. Л. Бабые царство: Дворянки и владение имуществом в России (1700–1861)*. М., 2009).

повсеместное присутствие определенных идей в популярной литературе означает, что читатели их восприняли, а как и в какой степени – остается неясным. Соответственно, историки, ранее исследовавшие распространение западноевропейской идеологии домашней жизни в России, пришли к выводу, что преобладание этих идей не только в периодической печати, но также в популярной художественной литературе и записях частных лиц означает, что значительное число россиян их приняли. Основной вопрос, которым задавались историки, звучал так: почему они сделали это, несмотря на значительные институциональные и культурные различия, существовавшие в середине XIX века между имперской Россией и Западной Европой, и почему эти идеи так быстро распространились?¹¹

Мое исследование архивов Чихачёвых наводит на мысль, что эти вопросы преждевременны. Чихачёвы были знакомы с большей частью литературы, как художественной, так и дидактической, пропагандировавшей идеал домашней жизни, и записки самого Андрея содержат некоторые традиционные для описания домашней жизни выражения¹². Но сфера деятельности Натальи Чихачёвой была гораздо шире той, которую отражала популярная литература для женщин, или той, что была доступна большинству женщин Западной Европы; совсем иными были и ее повседневные занятия. Она, бесспорно, вела финансовые дела и, конечно же, не занималась нравственным воспитанием детей. Несмотря даже на то что в своих дневниках Андрей подражал идеализированным описаниям домашней жизни, в «Земледельческой газете» он писал, что жене отводится важная роль – управление финансами и имениями. Дневники самой Натальи свидетельствуют о ее реальной роли, которую поддерживал Андрей, и о том, что именно с этой ролью она себя прежде всего и отождествляла, ею гордилась. Таким образом, автор этой книги присоединяется к кругу тех западных исследователей, которые изучают, как повседневная реальность отличалась от идеологии домашней жизни. Само по себе это не будет значительной научной находкой – в конце концов, вряд ли можно удивить кого-то, сказав, что люди вовсе не обязаны воспринимать напечатанное в газетах и журналах как прямое руководство к действию. Более важными здесь являются некоторые последствия, скрывающиеся за реалиями жизни семьи Чихачёвых.

Чихачёвы не отличались от других провинциальных среднепоместных дворян, если не считать того, что они очень много писали и значительная часть их письменного наследия сохранилась: их доход был средним для провинциальных землевладельцев, жили они примерно так же, как и их соседи и родственники. Но, конечно же, ни одна семья не может быть в точности похожа на остальные (несмотря на слова Л. Н. Толстого о похожести счастливых семей). Эта книга написана в жанре микроистории, и ее задача – как можно глубже понять одну семью, чтобы та могла стать образцом, сопоставление с которым позволило бы лучше понять другие, не столь подробно задокументированные случаи¹³. В не так давно опубликованном замечательном обзоре литературы о российском дворянстве Саймон Диксон призывал к созданию работ, которые могли бы «связать личность и обстоятельства, с большей аккуратностью находя место... конкретных дневников и переписки... в социальном и культурном контексте жизни их авторов»¹⁴. Именно в этом и заключается задача данной книги. Сопоставление материалов из

¹¹ См.: *Greene*. Domestic Ideology; *Tovrov*. Russian Noble Family; *Cavender*. Nests of the Gentry; *Glagoleva*. Dream and Reality.

¹² Из посвященного тверским помещикам средней руки исследования Кавендер видно, что они использовали обороты, похожие на те, которые употреблял Андрей Чихачёв, но из-за отсутствия женских дневников, которые можно было бы сопоставить с мужскими, невозможно ничего узнать об иных сторонах жизни этих людей (а случай Чихачёвых дает такую возможность).

¹³ См. опубликованные недавно письма крестьян, живших в Сарапульском уезде в конце XIX века: *Йокояма О.* Письма русских крестьян: контексты и переводы. В 2 т. М., 2014.

¹⁴ *Dixon S.* Practice and Performance in the History of the Russian Nobility // *Kritika*. 2010. Vol. 11. № 4 (Fall). P. 763–770. К написанию этой статьи Диксона подтолкнула важная работа Мишель Маррезе, переосмысливающая знаменитое сочинение Юрия Лотмана о культуре русского дворянства: Поэтика бытового поведения в русской культуре XVIII века // *Труды по знаковым системам*. Тарту, 1977. № 8. С. 65–89. См.: *Marrese M.* «The Poetics of Everyday Behavior» Revisited: Lotman, Gender,

архивов Чихачёва с другими, только сейчас входящими в научный оборот документальными источниками, и создание исчерпывающего портрета дворянства XIX века могло бы стать предметом совсем иного исследования.

То, что избранный Чихачёвыми способ распределения гендерных ролей в браке вполне возможен и воспринимался без замечаний или критики, имело бы большое значение, даже с учетом его нетипичности для помещиков среднего достатка (хотя есть основания полагать, что для этого сословия он был по меньшей мере вполне обычным явлением). Но хотя история Чихачёвых и является весьма своеобразной, она, безусловно, важна и может оказаться очень полезной для исследователей, занимающихся гендерной историей и историей семьи, проблемой крепостного права, изучением жизни помещичьего дворянства и восприятия различных идей: от представлений о домашней жизни до романтизма и национализма.

Своеобразие политической и экономической реальности России XIX века является одной из основных причин, по которым в российских семьях отступали от предложенной западной дидактической литературой модели брака. Важно отметить, что наиболее могущественный класс собственников в России того времени был представлен не средним классом предпринимателей: его составляли дворяне-землевладельцы, чье самосознание было тесно связано с этосом государственной службы и институтом крепостного права. Все российские дворяне – от высшей аристократии и до среднепоместного дворянства (подобного Чихачёвым), и бедные дворяне, еле сводившие концы с концами, – обладали значительными правовыми привилегиями: свободой от большинства налогов и телесных наказаний и даже свободой от обязательства государственной службы (она была дарована Жалованной грамотой дворянству Петра III в 1762 году и подтверждена Екатериной II в 1785 году)¹⁵. Но, несмотря на то что дворяне больше не были обязаны служить, предполагалось, что все же они будут это делать. Если земельные владения не приносили помещику достаточного дохода для поддержания желаемого положения, то служба становилась необходимостью. К XIX веку многие землевладельцы служили несколько лет, а затем выходили в отставку и поселялись в своих усадьбах. Государственная служба требовала, чтобы дворяне подолгу жили вдали от своих имений и семьи, и в таких случаях управление поместьями автоматически ложилось на плечи их жен (другими возможными вариантами решения этой проблемы были наем высокооплачиваемого профессионального управляющего, наделение одного из родственников полномочиями поверенного или возложение этой ответственности на крепостного старосту)¹⁶. В случае Чихачёвых муж постоянно пребывал дома с момента заключения брака, и в то время как его жена управляла их имениями, считал себя прежде всего слугой царя.

Еще одной привилегией потомственных дворян было исключительное право собственности на земли с проживавшими на них крепостными¹⁷. Благосостояние и комфорт среднепоместных дворян, как живших в своих усадьбах, так и служивших далеко от дома, главным образом зависели от доходов, приносимых трудом крепостных крестьян. В свою очередь, помещики были обязаны обеспечить основные материальные потребности. Управление крепостными было сложной, трудоемкой, рискованной задачей, от выполнения которой зависело очень многое; это было одной из основных задач любой помещичьей семьи.

Общественно значимая деятельность, которой могли заниматься российские дворяне, практически полностью сводилась к государственной службе, управлению земельными владениями и – для наиболее образованных – участию в культурной жизни страны. Большинству дворян в основном были недоступны иные занятия, открытые для мужчин других сословий.

and the Evolution of Russian Noble Identity // *Kritika*. 2010. Vol. 11. № 4 (Fall). P. 701–739.

¹⁵ ПСЗ I, № 11444; ПСЗ, № 16187.

¹⁶ Маррезе. Бабье царство.

¹⁷ См., например: ПСЗ, № 9267 (1746); *Wirschafter E. K.* Legal Identity and the Possession of Serfs in Imperial Russia // *JMH*. 1998. Vol. 70. № 3 (September). P. 561–587.

Например, практически невозможно было в этот период открыто участвовать в политической жизни страны, поскольку до 1906 года в России отсутствовал главный представительный орган управления, а ограниченные в правах органы местного самоуправления (земства) появились лишь в 1863 году. На влиятельные бюрократические посты назначали, как правило, лишь представителей элитных аристократических семейств. Хотя дворяне активно занимались некоторыми видами предпринимательства, в правление Николая I (1825–1855) коммерческое и промышленное развитие намеренно сдерживалось из страха перед социальной нестабильностью. Хотя дворяне имели право организовывать на своих землях фабрики и вступать в купеческие гильдии, в целом для инвестиций и инноваций российской экономике недоставало значительного капитала, а административные и правовые реалии препятствовали развитию рынка ценных бумаг и затрудняли предпринимательскую деятельность¹⁸. Хотя в России и существовал «джентльменский капитализм», в первой половине века инвестиции в землю и вклады в государственные банки выглядели более привлекательно¹⁹.

Вышедший в отставку после нескольких лет государственной службы и не имеющий связей или капитала для участия в политической или коммерческой деятельности, Андрей Чихачёв полагал, что ему предназначено быть духовно-нравственным воспитателем: эта роль представлялась ему «публичной» в том смысле, что выводила его (мысленно и символически) за пределы его имений. Однако кому-то все же было нужно заниматься жизненно важным делом повседневного управления усадьбой. Это стало задачей Натальи. С точки зрения Андрея, роль хозяйки была «частной» (обязанности исполнялись «в доме»); таким образом, в его представлении «домом» были многочисленные имения с несколькими деревнями крепостных (такая точка зрения была характерна для провинциальных помещиков в XVIII–XIX веках)²⁰.

Андрей писал о деревенских жителях как о членах своей семьи, что было весьма распространено в середине XIX века; однако его записи позволяют увидеть подлинную жизнь: для Чихачёвых деревня и в самом деле была частью семьи в почти всех возможных аспектах. Наталья растила своих детей, заботясь в первую очередь об их материальном благополучии, но также понимала она и свои обязанности в отношении крепостных. А поскольку Андрей являлся нравственным наставником своих детей, то он считал, что играет ту же роль в жизни принадлежавших ему крепостных. По крайней мере, с точки зрения владельцев, во главе деревенской «семьи» стояли они, то есть родители, затем шли их дети и другие зависимые лица, причем последняя категория состояла из множества разрядов: от привилегированных нянюшек до наемных учителей, представителей духовенства, домашней прислуги и занятых на полевых работах крестьян. Каждый в различной (подчас весьма различной) степени зависел от всех остальных.

Чихачёвы, их соседи и друзья относились к прослойке так называемых среднепоместных дворян, в то время как существующая на данный момент историческая литература о крепостном праве и русском дворянстве, и в особенности появляющиеся время от времени детальные микроисторические исследования отдельных имений, основана почти исключительно на документах богатейших аристократических семейств, в особенности Гагариных и Шереметевых, у которых имелись большие конторы с управляющими и письмоводителями. Их указания, отчеты и переписка хранятся в легкодоступных архивах Москвы и Петербурга²¹. Однако,

¹⁸ Pintner W. Russian Economic Policy under Nicholas I. Ithaca, N. Y.: Cornell University Press, 1967. P. 9–29; Owen T. C. The Corporation under Russian Law, 1800–1917. Cambridge: Cambridge University Press, 1991.

¹⁹ Когда в 1857 году правительство снизило процентную ставку по банковским депозитам, инвесторы поспешили изъять свои средства и вложить их в акционерные общества. Так началась первая российская «биржевая лихорадка». См.: Owen. Corporation. P. 30–54; Hoch S. The Banking Crisis, Peasant Reform, and Economic Development in Russia, 1857–1861 // AHR. 1991. Vol. 96. № 3 (June). P. 785–820.

²⁰ Маррезе. Бабые царство.

²¹ См. гл. 3, примеч. 2 на с. 100. Об отсутствии исследований мелко- и среднепоместных имений см.: Dennison T. The Institutional Framework of Russian Serfdom. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. С. 220. В качестве примера среднепо-

даже если взять в расчет всех помещиков, считавшихся богатыми, то есть владевших более чем 500 крепостных, их наберется не более 3,4 % от всех «душевладельцев». Их жизнь и хозяйство сильно отличались от мира Чихачёвых. Согласно 8-й ревизии, к 1836 году среднепоместные дворяне (то есть имевшие от 101 до 500 душ) составляли около 13 % помещиков и владели примерно третьей частью всех крепостных крестьян, в то время как более 80 % владельцев крепостных относились к мелкопоместным (или даже беспоместным) дворянам²². Большинство таких помещиков не имели возможности нанять управляющего, заводить подробные архивы или (если они только не находились на службе) проживать вдали от своих имений. Таким образом, мы не можем напрямую сопоставить историю семьи и хозяйства Чихачёвых, их родных и знакомых, с тем, что описывается в существующей на данный момент научной литературе о крепостном строе и дворянстве: в этих работах речь идет о совсем других людях и других отношениях. Данная книга рассматривает схожие вопросы развития крепостнического хозяйства и в особенности поместного дворянства, но в отличие от предшествующих работ делает это с точки зрения до сих пор практически неизученной (и как будто бы вовсе никогда не существовавшей) прослойки консервативного среднепоместного дворянства, населявшего российскую провинцию.

С точки зрения общеевропейской модели развития элит в XIX веке не приходится удивляться консервативности мировоззрения привилегированного, но не особенно богатого землевладельческого класса: их благосостояние было основано на поддержании status quo. Кроме того, судя по той же модели, на протяжении всего XIX столетия влияние привилегированных классов и групп среднего достатка должно было постоянно увеличиваться. Однако в России консервативно настроенное среднепоместное дворянство никогда не оказывало существенного давления на правительство или общественное мнение, и, когда мы читаем историческую литературу, создается впечатление, что оно практически сошло со сцены через некоторое время после освобождения крепостных в 1861 году, постепенно слившись с другими группами населения. Многие из них вошли в число людей свободных профессий, которых в конце XIX века становилось все больше; другие обеднели и, несмотря на свой более высокий с правовой точки зрения статус, жили приблизительно так же, как горожане или даже крестьяне²³. Главной заслугой провинциального дворянства перед русской культурой стало то, что его жизнь послужила материалом для комических зарисовок Николая Гоголя, Антона Чехова и других писателей²⁴.

Однако историки все чаще задумываются о том, что кажущееся отсутствие средне- и мелкопоместного дворянства в исследованиях, посвященных Российской империи, требует объяснения. Почему эта часть дворянства не превратилась во влиятельную консервативную опору трона, почему не стала противовесом для крайних позиций – радикального социализма интел-

---

местного дворянина Деннисон может привести только вымышленного Обломова, который нисколько не походил на реального Чихачёва и его знакомых. Литература о дворянской усадьбе XIX века также охватывает лишь хорошо сохранившиеся усадьбы аристократии. См.: *Марасинова Е. Н., Каждан Т. П.* Культура русской усадьбы // *Очерки русской культуры XIX века*. В 6 т. Т. 1. Общественно-культурная среда. М., 1999.

²² *Тройницкий А. Г.* Крепостное население в России по 10-й народной переписи. СПб., 1861. С. 67; *Шенукова Н. М.* Об изменении размеров душевладения помещиков Европейской России в первой четверти XVIII – первой четверти XIX века // *Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы* за 1963 г. Вильнюс, 1964. С. 388–419, 393. См. также: *Blum J.* Lord and Peasant in Russia: From the Ninth to the Nineteenth Century. Princeton: Princeton University Press, 1971.

²³ Процесс постепенного обеднения дворян продолжался несколько веков. *Esper T.* The Odnodvortsy and the Russian Nobility // *Slavonic and East European Review*. 1967. Vol. 45. № 104 (Jan.). P. 124–134. Согласно докладу благотворительного Московского тюремного комитета за 1851 год, из 2227 нищих, арестованных в городе за этот год, тридцать семь мужчин и восемнадцать женщин принадлежали к дворянскому сословию. См.: Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 123. Оп. 2. Д. 606. Л. 12.

²⁴ Государственному деятелю Сергею Витте провинциальное дворянство в период после освобождения крестьян представлялось бесполезным из-за безынициативности и отсутствия амбиций: *Гурко В. И.* Черты и силуэты прошлого. М., 2000. Об образе провинции в произведениях Гоголя и его огромном влиянии на представления о подлинной провинциальной жизни см.: *Lounsbury A.* «No, this is not the provinces!»: Provincialism, Authenticity, and Russianness in Gogol's Day // *RR*. 2005. Vol. 64 (April). P. 259–280.

лигенции и безоглядного материализма и гедонизма аристократической элиты – или не попыталась смягчить их?²⁵

Эта книга существенно обогащает фактографию и расширяет наши представления о российском дворянстве, рассматривая повседневную жизнь, семейные отношения, ценности и идеи одной конкретной семьи дворян среднего достатка, а также жизнь их крепостной деревни, в которой Чихачёвы черпали свои представления об обществе и народе. Андрей Чихачёв опубликовал десятки статей о ценностях и добродетелях сельской жизни, которые, как он полагал, должны стать основой здорового и упорядоченного национального характера. Эти идеи основаны на представлениях Андрея о деревне как о семье, а семья в его представлении состояла из матери-управительницы и отца-наставника. Андрей ценил порядок и обязанности, верил, что они даны свыше, а потому требуют серьезного отношения.

Общественный порядок, по его мнению, был подобен пирамиде: вершиной ее были хозяева имения, исполняющие роли отца и матери в отношении деревни, выступающей в качестве семьи, а основанием пирамиды был народ, который представлялся как семейство, составленное из совокупности деревень. Поэтому, когда в 1861 году освобождение крепостных изменило порядок жизни в деревне, крах потерпели и представления Андрея о государственности. Если идеи о порядке и природе, разделявшиеся теми, кто не испытывал желания ставить под вопрос status quo, могут дать представление о «консервативном хребте» России, то этот консерватизм был подорван самим же правительством, освободившим крепостных на таких условиях, которые все чаще приводили сыновей провинциальных среднепоместных дворян к потере имений и подталкивали их к занятию наемным трудом. «Важность хозяйки в доме» (слова Андрея) состояла в том, что, управляя имением, жена и мать была вершиной перевернутой пирамиды, служившей основой упорядоченного мировоззрения провинциального дворянства. С освобождением крепостных крестьян и существенным изменением традиционной роли матери потерпело крах и это мировоззрение.

²⁵ Об отсутствии в России среднего класса, подобного западному, см.: Gleason A. The Terms of Russian Social History // Between Tsar and People: Educated Society and the Quest for Public Identity in Late Imperial Russia / Ed. E. W. Clowes, S. D. Kassow, J. L. West. Princeton: Princeton University Press, 1991. P. 15–27; Russia's Missing Middle Class: The Professions in Russian History / Ed. H. D. Balzer. Armonk, N. Y.: M. E. Sharpe, 1996; Raeff M. Imperial Russia, 1682–1825: The Coming of Age of Modern Russia. N. Y.: Knopf, 1971. P. 122; Wirtschafter E. K. Social Identity in Imperial Russia. DeKalb: Northern Illinois University Press, 1997. Недавно вышедшие исследования, расширяющие наши представления о группах населения, принадлежавших к среднему классу, включают: Marrese. Woman's Kingdom; Cavender. Nests of the Gentry; Glagoleva. Dream and Reality; Smith A. K. Recipes for Russia: Food and Nationhood under the Tsars. DeKalb: Northern Illinois University Press, 2008; Kelly C. Refining Russia: Advice Literature, Polite Culture, and Gender from Catherine to Yeltsin. Oxford: Oxford University Press, 2001; Evtukhov C. A. O. Karelin and Provincial Bourgeois Photography // Picturing Russia: Explorations in Visual Culture. Eds V. Kivelson, J. Neuberger. New Haven: Yale University Press, 2008. P. 113–117.

Глава 1

Мир провинции

В 1820 году Наталья Ивановна Чернавина вышла замуж за Андрея Ивановича Чихачёва. Ей исполнился двадцать один год, он был на год старше. Скорее всего, они знали друг друга большую часть жизни, поскольку выросли в одном кругу дворянских семейств, проживавших в имениях Владимирской губернии. В возрасте двадцати двух лет Андрей Чихачёв уже вышел в отставку с военной службы в Санкт-Петербурге и унаследовал фамильные имения, сердцем которых была усадьба Дорожаево, где и поселилась его семья. Андрей был сиротой и воспитан родственниками после безвременной смерти родителей. Ко времени женитьбы он принял на себя полномочное управление семейными имениями – прежде ими управлял его старший брат Иван, объявленный «беспутником и мотом». Приобретение прав на собственность потребовало сложной юридической борьбы, но в конце концов Андрей получил контроль над родовыми имениями, взяв огромную ссуду, чтобы выкупить долю брата; это вынудило его заложить 90 % принадлежавших ему отныне крепостных «душ»²⁶.

Жизнь семьи Натальи была более стабильной – у ее отца, морского офицера, было четверо детей, и она была единственной дочерью. Наталья выросла в имении под названием Берёзовик и, вступая в брак, получила хорошее приданое, в том числе и небольшую деревню Бордуки рядом с Берёзовиком. Каждый год они с Андреем проводили там некоторое время, живя по соседству с родственниками со стороны Чернавиных. К моменту заключения брака младший брат Натальи, Яков, предположительно, еще не служил и, видимо, уже дружил с Андреем (возможно, он поддержал его в сватовстве к сестре). В любом случае уже к 1830 году Андрей называет Якова не только шурином, но и близким другом. Выйдя в 1833 году в отставку после службы во флоте, Яков вернулся домой во Владимирскую губернию и поселился в Берёзовике. Он до самой смерти регулярно навещал Чихачёвых и писал им письма²⁷.

В первые годы брака Андрей и Наталья пережили немало испытаний. Они прошли через тяжелый судебный процесс по введению Андрея в права наследства после смерти его брата-мота. Они потеряли своего первого ребенка – дочь Анну, умершую в младенчестве в 1821 году. В следующем году умер отец Натальи. В 1823 году они временно переехали в Москву, чтобы продолжить судебные тяжбы о наследстве Андрея, в том числе теперь и отдельное дело о собственности его тетушки²⁸. В 1824 году Андрей писал, что они имели счастье лично видеть императора Александра I во Владимире, что предполагает, что к этому времени они уже вернулись домой. В декабре 1825 года, после смерти императора Александра I, группа военных подняла восстание с целью защитить порядок престолонаследия и добиться введения конституции. В том же году, в начале сентября, Чихачёвы радовались рождению Алексея, первого из их выживших детей. Несколькими месяцами ранее, в апреле, утонули при катании на лодке два старших брата Натальи, Александр и Павлин (по иронии судьбы, ранее, до выхода в отставку, они служили в императорском флоте). Три года спустя, в январе 1828 года, умерла мать Наталья Александра Николаевна. Единственным оставшимся во Владимирской губернии членом семьи Натальи был загадочный человек по имени Тимофей Иванович Крылов, которого Чихачёвы и Яков Чернавин называли «дядюшкой», хотя непонятно, кем именно он им приходился. Возможно, он был вторым мужем Александры Николаевны и, следовательно, отчимом Ната-

---

²⁶ Фролов Н. В. Владимирский родословец (далее – ВР). Ковров, 1996. С. 152.

²⁷ Государственный архив Ивановской области (далее – ГАИО). Ф. 107. Оп. 1. Д. 59. Л. 26 об. Яков служил на фрегате «Княгиня Лович», спущенном на воду 26 мая 1828 года и имевшем на борту 54 пушки. Веселаго Ф. Ф. Список русских военных судов с 1668 по 1860 год. СПб., 1872. С. 102.

²⁸ Это дело было закрыто лишь в 1840 году. ГАИО. Ф. 107. Оп. 1. Д. 98. Л. 1 об.

лы. Как бы то ни было, до самой смерти (в конце 1830-х или начале 1840-х годов) он считался членом семьи²⁹. Под конец первых десяти лет брака – 26 октября 1829 года – у Натальи и Андрея родился второй ребенок, также доживший до взрослого возраста, дочь Александра, а сами Чихачёвы вступили во второй этап совместной жизни, оставив за спиной семейные невзгоды 1820-х годов.

В 1830-х и 1840-х годах (два десятилетия, наиболее подробно описанные в сохранившихся дневниках и переписке) Чихачёвы сосредоточились на воспитании детей и выплате долгов, обременявших наследство Андрея. В это время Андрей описывал себя Якову как «твой удалой братикос с отколотым зубком, седоватыми височками и рыжими усами»³⁰. Он также был близорук и носил очки³¹. Не сохранилось описаний Натальи или детей, хотя в 1831 году они позировали для семейного портрета, написанного местным художником Иваном Ильичом Ореховым, а в 1842-м – для дагеротипов. К сожалению, изображения утрачены³². Согласно описанию Андрея, Яков был «маленьким, толстым, жирным человеком»³³. Он был на шесть лет моложе Андрея и до конца жизни оставался холостяком. Андрей подшучивал над холостой жизнью Якова, предлагая купить зятю «*Супружескую Граматику* с приложением ландкарты. Цена пустая, а и похочем и потолкуем, а? Согласен ли? – Право так. Была-не-была, я рублем жертвую; – Пожертвуй же и ты». Яков отвечал: «...Не надо! А ежели и приведет бог жениться – так тогда занимательнее будет Супружеская [грамматика], – Практическая, но уже вовсе не теоретическая!»³⁴ Когда Яков Чернавин вышел в отставку, отслужив во флоте, и вернулся домой в Берёзовик, он своим присутствием сделал целостным семейное бытие, чьи занятия, ценности и мировоззрения отразил с поразительной подробностью.

В губернии, где жили Чихачёвы, в середине XIX века проживало более миллиона человек, она была двадцать первой по численности населения из сорока девяти губерний европейской части России. Столицей губернии был Владимир – главный город средневековой Владимиро-Суздальской Руси, расположенный в 171 версте (183 километра) к северо-востоку от Москвы³⁵. В середине XIX века считалось, что он находится «рядом» с Москвой, поскольку два города связывало «прекрасно устроенное шоссе»³⁶. Помимо Владимира, в «золотое кольцо» средневековых русских городов, уже тогда имевших большое историческое и культурное значение, сохранившееся по сей день, входят Суздаль, Ярославль, Кострома и Ростов Великий.

Помимо старинных соборов, двумя наиболее известными достопримечательностями губернии были озеро Плещеево, где учился ходить под парусом Петр Великий, и город Александров, где Иван Грозный жил со своими опричниками. Ближайшими к имениям Чихачёвых городами были центры уездов: Шуя (славившаяся чистой водой и водкой) и Ковров, городок поменьше. Главным имением Чихачёвых, где проживала семья, было Дорожаево, расположенное к востоку от «большого проселочного тракта» из Коврова в Шую и, согласно историческим документам, получавшее воду из прудов и колодцев (имение находилось недалеко от неболь-

²⁹ Единственное, что мы знаем о личности Тимофея Крылова, – это его увлечение живописью. Яков описывал, как «дядя весь день был занят живописью! – отделявал Водопад; снабжал деревья листьями; приставлял сучки; – теперь приступил к небесам; работа у него идет успешно, только красками что-то он не доволен!» ГАИО. Ф. 107. Оп. 1. Д. 59. Л. 75 об.

³⁰ Там же. Л. 40.

³¹ Там же. Д. 98. Л. 25 об.; Д. 59. Л. 58.

³² Там же. Д. 54. Л. 49; Д. 95.

³³ Там же. Д. 59. Л. 26.

³⁴ Там же. Д. 66. Л. 31 об., 32.

³⁵ Вышедшая уже после написания этой книги монография Екатерины Евтуховой подробно описывает экономическую, административную и общественную жизнь соседней Нижегородской губернии в XIX веке. *Evtuhov C. Portrait of a Russian Province: Economy, Society, and Civilization in Nineteenth-Century Nizhnii Novgorod*. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2011.

³⁶ Военно-статистическое обозрение Российской империи (далее – ВСО). СПб., 1852. Т. 6. Ч. 2. С. 143.

шого рукава реки Тезы, которую в 1850-х годах правительство пыталось сделать судоходной)³⁷. В письме к другу Андрей описывает удобное расположение Дорожаево: «20 верст [21 километр] от Шуи, где чего хочешь, того просишь»³⁸.

Ковров расположен в 31 версте к югу от Дорожаево по дороге во Владимир (до него еще 55,5 версты). Чихачёвы регулярно останавливались в Коврове по пути во Владимир и обратно (иногда навещая друга и религиозного наставника отца Силу), ездили туда на ярмарку и базар. Благодаря современному ковровскому краеведу Н. В. Фролову нам кое-что известно о том, что город представлял собой в первой половине XIX века, когда часто упоминался в бумагах Чихачёвых. Согласно Фролову, «старинное село Коврово было преобразовано в уездный город в 1778 г. по указу императрицы Екатерины II. При императоре Павле I Ковров был сделан заштатным городом... но в 1804 г. формально восстановлен в статусе уездного центра», на этот раз уже окончательно³⁹. Вполне понятно, почему статус Коврова был в глазах властей сомнительным, вне зависимости от склонности императора Павла I отменять все решения матери: например, в 1808 году в Коврове было всего 853 жителя. В 1817 году, когда он уже давно стал уездным городом, там все еще насчитывалось лишь 117 домов, три каменных здания и четыре улицы. К 1849 году население выросло до 1844 человек, и к 1852 году в городе был 231 дом, десять каменных зданий и шесть улиц. По сравнению с другими городами губернии он все еще был очень мал – меньше одной шестой Муром, – но «по числу торговых лавок Ковров вплоть до 1840 г. занимал третье место в губернии, уступая лишь тому же Мурому, да еще Переславлю-Залесскому»⁴⁰.

Наличие этих лавок было важно для Чихачёвых. То, что они жили в сравнительно густонаселенной области между Шуей и Ковровом и недалеко от Суздаля и Владимира, означало, что они не были изолированы от других помещиков и могли покупать предметы первой необходимости или обращаться за медицинской помощью: для этого нужна была лишь сравнительно недолгая поездка в экипаже. Разумеется, из-за плохого состояния дорог поездки оказывались более долгими, чем могли бы быть. Чаще и с большей легкостью Чихачёвы путешествовали летом, когда дороги были сухи (хоть и пыльны), или зимой, на санях по утрамбованному снегу. Летом поездка в Шую в повозке занимала примерно два часа. В непосредственной близости от Дорожаево проживало несколько помещичьих семейств, но самый близкий друг Чихачёвых – брат Натальи Яков – жил в двадцати часах езды в Берёзовике, в окружении других дружественно настроенных семейств, так что, когда Чихачёвы совершали путешествие (что случалось часто), они посещали семьи в городе Тейково или в Губачёво, имении семейства Иконниковых (кузенов Андрея). До Владимира Чихачёвым приходилось добираться двадцать четыре часа, причем нужно было один раз ненадолго останавливаться, чтобы накормить лошадей, а также где-нибудь переночевать. Путешествие из Дорожаево в Москву занимало в два раза больше времени, с двумя остановками, чтобы переночевать и накормить лошадей.

С точки зрения культурной жизни Ковров был довольно типичным маленьким городком центральной части России. Фролов приводит яркое описание из дневника князя Ивана Михайловича Долгорукова, владимирского губернатора с 1802 по 1812 год, упоминающего о том, что в 1813 году он проезжал через Ковров. По прибытии в город князь Долгоруков был приглашен для трапезы в «городской дом» местного купца, где его приветствовали «все» городские «чиновники». Хотя чиновники были вежливы, губернатор жаловался, что «у каждого из них не то было на языке, что на уме». Он описывает «прекрасное» расположение города на горе, «подошву которой моет Клязьма». Город разбит «довольно правильно, но строение вообще

³⁷ Списки населенных мест Российской империи (далее – СНМ). СПб., 1863. Вып. 6; ВСО. С. 174.

³⁸ ГАИО. Ф. 107. Оп. 1. Д. 98. Л. 26 об. На обложке одной из своих записных книжек Андрей указал расстояния от Дорожаево до нескольких городов и деревень (ГАИО. Ф. 107. Оп. 1. Д. 93).

³⁹ Фролов Н. В., Фролова Э. В. Ковровский край пушкинской поры. Ковров, 1999. С. 6.

⁴⁰ Там же.

весьма бедное». Князь пишет, что «длинный гостиный ряд каменный» и каменный корпус «для Присутственных Мест» были построены в бытность его губернатором, и хвалит себя за речь, произнесенную на открытии правительственного здания. Затем он упоминает «весьма новый» обычай, побуждавший представителей разных сословий произносить речи на городских торжествах: обычай, который тогда уже вновь начал забываться. В завершение визита губернатор был сопровожден городскими судьями на окраину города. Он провел ночь в «Воскресенском, селе разных помещиков» в 25 верстах от Коврова⁴¹. Хотя в окрестностях было несколько сел с таким распространенным названием, Чихачёвы входили в число владельцев одного из них.

Поселения, расположенные на сельскохозяйственных территориях Ковровского уезда, были меньше обычных русских деревень: в среднем в 1850-х годах они состояли приблизительно из двадцати пяти домов. Как и вся Владимирская губерния, Ковровский уезд также славился торговцами-разносчиками, которых здесь называли офенями: они продавали продукты местных промыслов и считались очень хитрыми, поскольку создали свой собственный искусственный язык, призванный сохранить секреты ремесла от посторонних⁴². Суздаль, часто упоминающийся в архиве Чихачёвых, был значительно больше скромного Коврова. Хотя в то время он и уступал размерами Владимиру и не имел политического веса губернского города, но, будучи расположенным в 68 верстах от Дорожаево на реке Нерли, Суздаль был динамичным центром религиозной жизни. Украшенный четырьмя монастырями и древним кремлем, этот город был известен торговлей и двумя ежегодными ярмарками.

По сравнению с Шуйей, Ковровом или даже Суздалем Владимир, являясь столицей губернии, был крупным городом, расположенным на вершине длинного, узкого холма над рекой Клязьмой. С запада Владимир украшали Золотые ворота, возведенные в XII веке, а с востока – имеющее большое историческое и архитектурное значение Дмитриевский и Свято-Успенский соборы. Соборы эти находятся около здания Дворянского собрания, где Андрей регулярно останавливался при посещении губернской столицы. Владимир был назван в честь своего основателя, князя Владимира Мономаха, и впервые упоминается в летописях 1108 года. К 1157 году Владимиру перешла от Суздаля роль административного центра северо-восточной Руси. К началу XIII века великое Владимиро-Суздальское княжество стало самым могущественным русским княжеством, но после нашествия монголов Владимир утратил свое значение, уступив набирающей силы Москве.

Хотя основой экономики Российской империи было сельское хозяйство, эта центральная область, сердце страны, была известна скудными почвами и низкими урожаями (особенно в сравнении с черноземами южных губерний). В частности, во Владимирской губернии участки вполне плодородной земли перемежались с малопригодными для земледелия. Имена Чихачёвых располагались как раз в таких районах.

Неудивительно, что с XVIII века губерния могла похвастаться необычно высокой концентрацией мелких промышленных предприятий. Многие крепостные были заняты сезонной работой на небольших фабриках-мастерских (в те времена каждая из таких мастерских требовала труда лишь нескольких человек), ежегодно или раз в полгода выплачивая своим владельцам натуральный или денежный оброк вместо отработки барщины на господской земле. Значительная часть земель здесь была занята пастбищами для овец и полями для выращивания льна, из которого изготавливались ткани на небольших предприятиях, принадлежавших дворянам и купцам. В имениях Чихачёвых культивировали несколько сортов зерновых и лён, как для личного потребления, так и на продажу. Однако большая часть их крепостных состояла на натуральном или денежном obroке или, возможно, сочетала денежный оброк с натуральным в соответствии с местной традицией.

⁴¹ Фролов Н. В., Фролова Э. В. Ковровский край пушкинской поры. С. 6.

⁴² ВСО. С. 159, 149.

В сравнении с другими губерниями экономическое положение Владимирской было не особенно привлекательным, и этот недостаток лишь отчасти компенсировался центральным географическим положением. Описывая визит в отдаленные владения семьи в Симбирской губернии в 1861 году для осуществления выкупной сделки с крестьянами, Алексей сообщал родителям, что симбирские земли могли бы быть «очень выгодн[ы]» и, учитывая вероятные потери от освобождения крестьян, казались ему «одной надеждой» семьи, поскольку «от земли Владимирской губернии доходу ожидать нечего при всем искреннем желании, потому что в других отношениях нашу клюквенную губернию с здешней и сравнивать нечего; здесь сторона не просвещенная – черная и при барских домах Рет[ирады] не имеется прогуливаться в чистое поле, мое почтение – очень не удобно»⁴³.

Андрей и Наталья вместе владели приблизительно 240–350 «душами» мужского пола, которые юридически были почти поровну поделены между мужем и женою⁴⁴. Эти крепостные жили в деревнях Владимирской губернии, а также в нескольких отдельных деревнях Ярославской и Симбирской губерний. Населенные земли составляли лишь приблизительно половину совокупной собственности Чихачёвых. В нее входили также леса и пустоши, частью которых Чихачёвы владели совместно с другими землевладельцами – эти леса и поля были разбросаны по всему региону. Недатированная опись пустошей во владениях Андрея показывает, что, например, в Дорожаево из тридцати трех целых и одной трети земельных участков Андрей владел четырнадцатью целыми и тремя двенадцатыми, остальные же принадлежали княгине Долгоруковой, а также дворянам Розенмееру, Каблуковой и Свободевым. Каждый участок насчитывал семь десятин⁴⁵. Лишь в двух деревнях Чихачёвых, в Дорожаево и Бордуках, имелись небольшие господские дома. Дома эти оставались деревянными до тех пор, пока в 1843 году не завершилось строительство каменного дома в Дорожаево. К 1863 году в Дорожаево проживало 142 человека в шестнадцати дворах. В том же году население Коврова составляло более двух тысяч человек, Суздаля – более шести тысяч (причем в городе было двадцать пять церквей и четыре монастыря), Шуи – более восьми тысяч (и всего шесть церквей), а во Владимире проживало больше тринадцати тысяч человек и было двадцать шесть церквей⁴⁶.

Вторая усадьба Чихачёвых с господским домом – Бордуки – изначально граничила с главным имением Чернавиных – Берёзовиком; в собственность Чихачёвых она перешла в составе приданого Натальи. Усадьбы разделяла небольшая, но красивая река Вязьма, и добраться друг до друга можно было по почтовому тракту, соединявшему Суздаль и Шую. В 1863 году в Берёзовике, находившемся в тот момент во владении сына Андрея и Натальи Алексея, было тридцать два двора, где проживало 92 мужчины и 108 женщин, и две церкви (одна из них, по-видимому, располагалась в Бордуках, которые были объединены с Берёзовиком при наследовании Алексеем двух имений)⁴⁷. До наших дней в Берёзовике сохранилась кирпичная церковь, но от обоих господских домов не осталось ни следа. Дом Чернавиных был построен отцом Ната-

⁴³ ГАИО. Ф. 107. Оп. 1. Д. 108. Л. 270–271 об. В ту поездку крестьяне отказались заключить сделку с Алексеем, так как им предлагали в надел слишком мало пахотной земли. Кроме того, среди них прошел слух, что «если добровольно согласятся и подпишут уставную грамоту, то их за это в Сибирь сошлют», вдобавок говорили, что «нигде не слышно о подписи уставных грамот крестьянами» (Там же).

⁴⁴ Самое большее число душ, находившихся в их общей собственности, составляло 419, наименьшее – 243. Неполные сведения о числе крепостных во владении Чихачёвых в период с 1821 по 1861 год см.: ГАИО. Ф. 107. Оп. 1. Д. 57. Л. 8 об. – 11; Д. 90; Д. 98. Л. 17 об., 26 об., 27 об. ВР дает наибольшее число (419), но в своих источниках я не нашла этому подтверждения. В 1836 году Андрей рассчитывал унаследовать 269 душ, принадлежавших Прасковье Петровне Владыкиной, но не получилось. Яков писал о появлении стольких душ «на горизонте»: «Я думаю, у тебя как Гора на плечах, как камень на сердце, такое тяжкое бремя? Не правда ли?» (ГАИО. Ф. 107. Оп. 1. Д. 57. Л. 11). По моим расчетам, сделанным на основе доступных мне данных, до замужества Александры (то есть вместе с тем, что вошло в ее приданое) и до того, как Алексей унаследовал имение Чернавина, у Андрея было 150–180 душ, а у Натальи – от 88 до 170.

⁴⁵ ГАИО. Ф. 107. Оп. 1. Д. 122. Л. 4.

⁴⁶ СНМ.

⁴⁷ СНМ.

льи и Якова Иваном Яковлевичем Чернавиным в 1809–1810 годах. Судя по его поэтажному плану, у здания был главный фасад с колоннами и балкон с видом на реку на противоположной стороне. На первом этаже располагались столовая, кабинет, бильярдная, бальный зал, спальня и гостиная, а также чуланы, комнаты прислуги, большой коридор и вестибюль. На втором этаже находились две неотапливаемые комнаты и коридор без окон.

Это описание показывает, что дом Чернавиных был сопоставим по размерам с домом, который Андрей и Наталья в конце концов построили в Дорожаево. Оба дома, вне всякого сомнения, в два или три раза превосходили размерами самый большой крестьянский дом в деревне, но их никак нельзя было назвать большими зданиями. Тем не менее там было все необходимое для комфортной деревенской жизни. В годы, предшествовавшие началу постройки дома, Андрей записал некоторые свои планы в книжке с «почтовыми сношениями», которую вел для своего зятя Якова, и сопровождал их набросками. Рядом с планом первого этажа (где должен был располагаться полукруглый зал, ставший в построенном доме вестибюлем) он перечислил свои требования:

Ежели я доживу до возможности выстроить в Дорожаево дом, то
 1.) чтоб непременно каменный, железом крытый. Это для потомства, которое потому Дорожаевым дорожить должно, что оно какому-то моему предку Всемиловейше <...> жаловано. 2.) Дом этот должен быть сколь возможно уютен, чтобы не было чувствительного недостатку поместить на ночлег человек пяток гостей; – и чтобы не возбудить излишнюю величиною суэтного в потомках желания к роскоши, несоразмерности. 3.) Не забыть о буфете, как сие случилось в Бордуках. 4.) Ретирадные для обоих полов места теплые. 5.) Свод прочный для хранения бумаг. 6.) Так расположить, что ежели какому детике <sic> из потомков покажется тесно, то чтобы местоположение не затрудняло его в пристройке. 7.) Хотелось бы в доме оранжерею, – да боюсь позволить себе причуды. – А может и позволю⁴⁸.

На сопутствующем этой записи рисунке Андрея изображены четыре большие комнаты в дополнение к полукруглой «зале, гостиной и всяческой» – комнаты для него самого, его жены, горничных и прихожая. В построенном доме была также бильярдная. Андрей часто упоминает о своем и своей жены «ермитаже»: это слово, по-видимому, было для него синонимом «его собственной» и «жениной» комнат⁴⁹. На плане «своего» эрмитажа Андрей нарисовал два длинных «турецких дивана» с маленькими столиками, каменную печь, стеллаж для трубок, табуреты и стулья, два угла, отделенные ширмами (один для вещей гостей и другой, где гости могли бы переодеться, а также хранились бы книги и бумаги), и указал, что пол должен быть покрашен. По стенам следовало развесить «гравированные картины и портреты знаменитых людей», а по вечерам комнату должны были освещать лампы⁵⁰. В 1850 году, поселившись в новом доме, Андрей нарисовал план своего кабинета, признавшись, что постоянно переставляет там мебель (он отметил на плане те места, где стояли разные предметы обстановки, и те, куда они были переставлены). В комнате были диван и письменный стол, полки для книг и бумаг, двери в бильярдную, альков («впадина») с конторкой для письма на бюро, дверь в коридор, печь, встроенная в общую с коридором стену, которую можно было топить, не входя в комнату, и зеркало⁵¹. Желание Андрея устроить оранжерею не было подражанием ино-

⁴⁸ ГАИО. Ф. 107. Оп. 1. Д. 59. Л. 45.

⁴⁹ В 1836-м, до того как началось строительство каменного дома, Андрей писал о «женином ермитаже моей жены», подразумевая под этим, по-видимому, ее любимую комнату, где она читала, писала или занималась рукоделием (Там же. Д. 66. Л. 110 об., 140 об. и др.).

⁵⁰ Там же. Д. 57. Л. 53 об.

⁵¹ ГАИО. Ф. 107. Оп. 1. Д. 98. Л. 22 об.

странной моде – как сообщалось в военно-статистическом обозрении Владимирской губернии в 1852 году, «так как топливо в губернии вообще дешево, то при каждом, несколько замечательном саде, устроены оранжереи, где растут ананасы, персики, виноград, апельсины, лимоны, зимняя клубника и земляника»⁵². Короче говоря, дом Чихачёвых был удобным и прекрасно отвечал всем потребностям семьи, но не был роскошным.

Помимо удивительно подробного описания планировки, из статьи «О комнатном воздухе», опубликованной Андреем в 1845 году в «Земледельческой газете», мы даже знаем кое-что об атмосфере внутри дома Чихачёвых. Андрей объяснял, что он сам и его семья годами страдали из-за спертого, нечистого воздуха, пытаясь решить проблему с помощью ладана или ароматических смесей (попурри) до тех пор, пока с ними не стала жить немецкая гувернантка их дочери. К их изумлению, немка открывала все окна своей комнаты для проветривания каждый день, даже зимой. Однако вскоре, как описал Андрей, Чихачёвы поняли, что благотворное влияние, произведенное свежим воздухом на самочувствие членов семьи, а также приятность пребывания внутри дома, безусловно, стоили таких решительных мер, и переняли немецкую привычку (однако всегда запираясь во время проветривания в другой, теплой комнате)⁵³.

В записной книжке с «почтовыми сношениями» 1850 года с астраханским помещиком Владимиром Копытовским Андрей нарисовал карту своего имения и охарактеризовал местность вокруг Дорожаево как «самую, самую неавантажную. Почти плоскость кругом, и на этой плоскости кругом же почти, лес». Неудачное расположение деревни сегодня очевидно для любого случайного летнего посетителя; бич этих мест – необыкновенное количество комаров и слепней. Нарисованная Андреем карта имения не вполне понятна (масштаб совершенно неверен), но дает представление о планировке и основных усадебных постройках. В центре Андрей изобразил дом, перед ним двор и ворота, выходящие на дорогу, ведущую на северо-запад. За домом располагался очень большой «сад» (судя по рисунку, его площадь более чем в десять раз превосходила площадь дома), а все вместе обведено широкой рамкой и подписано: «Моя усадьба». За этой рамкой, через дорогу, на которую выходил дом, находились два больших гумна и амбары. По другую сторону от них дальше на юго-восток выстроились овины (постройки для сушки снопов перед молотьюбой); за ними к юго- и северо-востоку начинались леса. На юге леса перемежались болотами. К востоку от гумен Андрей нарисовал две пересекавшиеся под широким углом «улицы», а между ними – пруд. К северу от собственно «усадьбы» располагался еще один ряд амбаров для сушки пшеницы. Прямо на севере он изобразил соседнюю деревню Столбцы в полутора верстах от усадьбы. К северо-западу в одной версте находилась деревня Гвоздево, а Фатеево – в двух верстах к западу. На юго-западе в полутора верстах – деревня Сенино, а на юге, в одной версте, Молошно. Чихачёвы владели крепостными из Молошно и Сенино и, вероятно, полями и участками леса практически по всем направлениям⁵⁴.

В недатированной записке, составленной, по-видимому, задолго до того, как была нарисована карта, Андрей указал ширину и длину нескольких относившихся к Дорожаево участков земли и количество шагов между основными объектами, а также множество других, менее значительных ориентиров поместья. Дистанция между садовыми воротами Дорожаево и зернохранилищами составляла 104 шага, другие расстояния невозможно восстановить без дополнительной информации. Среди ориентиров перечислены: «поперечные аллеи», дровяной двор, березы, солнечные часы, «места, где прежде были вишни», огороды, малинник, колодец, кусты черной смородины, «яблочная плантация» (размерами тридцать на двадцать один шаг), «крытая аллея», каретный сарай, скотный двор и баня в шестнадцать шагов, располагавшаяся

⁵² ВСО. С. 184.

⁵³ О комнатном воздухе // Земледельческая газета (далее – ЗГ). 1845. № 6. С. 44–45.

⁵⁴ ГАИО. Ф. 107. Оп. 1. Д. 98. Л. 26 об.

в тридцати шагах от «кормового сарая»⁵⁵. В дневниках Чихачёвы также упоминали мельницу, сарай, где работали ткачи, и другие небольшие постройки, а также поля, засеянные различными злаками. Сегодня помимо деревенских домов (некоторые из них, похоже, были построены во времена Андрея и Натальи) из усадебных построек сохранился лишь каменный дом Чихачёвых, хотя все еще можно распознать липовую аллею, ведущую к северо-западу от дома к сохранившемуся до наших дней пруду. Жители деревни помнят, где когда-то стояли главные амбары (за пределами территории, где прежде был разбит сад и где среди полевых растений все еще можно отыскать необычные «английские» цветы). Построенная внуком Андрея и Натальи Константином церковь была разрушена до основания после революции 1917 года, а на ее месте появился клуб, который существует до сих пор⁵⁶. Надгробия Чихачёвых исчезли, хотя жители деревни утверждают, что они находились неподалеку от церкви⁵⁷.

Несмотря на то что Чихачёвы проживали в провинции, они не были чужды Москве. В 1825 году Андрей написал за Наталью прошение в Суздальский уездный суд, где указал, что она проживает в центре Москвы на Пречистенке, в приходе святых Афанасия и Кирилла, «в собственном доме»⁵⁸ под номером 24. Поскольку Чихачёвы жили в Москве вскоре после свадьбы, возможно, что упомянутый здесь дом принадлежал им и был либо унаследован, либо куплен. В 1836 году они все еще пытались продать свой московский дом и Андрей жаловался Якову, что потенциальная покупательница передумала⁵⁹.

Желание семейства продать московский дом, как и убеждения Андрея относительно преимуществ деревенской жизни, составляет разительный контраст с высказанной Андреем в 1831 году мечтой о строительстве дома в Москве, «который я, ежели бы угодно было Богу, выстроил [бы] где-нибудь к концу города. Например в той стороне где Кадетский корпус. 1-е дело, близко Дворцовый сад. 2, свежее воздух и безопаснее во время болезней. 3, места земли гораздо дешевле и можно оной иметь обширнее»⁶⁰. Вероятно, он размышлял о том, что дом когда-нибудь понадобится (скорее всего, когда дети будут учиться в Москве), и надеялся поселиться на окраине города, что сопряжено с меньшими неудобствами. Чихачёвы и в самом деле жили в Москве недолгое время, в 1842 году, когда дети обучались в школе, а в 1860 году обдумывали, не перебраться ли в столицу окончательно. Их московская подруга Прасковья Мельникова советовала в письме сначала снять квартиру, поскольку квартиры «очень дороги»⁶¹. Однако в конечном счете эти планы не были воплощены в жизнь.

Принадлежащие перу Андрея подробные описания дома представляют собой лишь малую часть сохранившихся семейных документов. Андрей писал с большим увлечением, чем другие члены семьи, и именно он побуждал сына Алексея вести собственный дневник. Но записи велись еще до рождения Андрея – отец Натальи Иван Чернавин хранил несколько огромных книг, в которые заносил подробные описания погоды и корабельной жизни практически каждый день своей службы во флоте⁶². Брат Натальи Яков также постоянно делал заметки, обычно в виде списков и таблиц, а не дневниковых записей; с 1830-х годов он по совету зятя начал вести книжки с так называемыми «почтовыми сношениями», которыми две семьи обменивались почти ежедневно с 1834-го и до середины 1837 года. В каждом доме – как у Чихачёвых, так и у Якова и Тимофея Крылова – вели одну из двух одинаковых записных

⁵⁵ Там же. Д. 129.

⁵⁶ Фролов Н. В., Фролова Э. В. Первая ковровская библиотека. Ковров, 2000. С. 13.

⁵⁷ Согласно Фролову, Наталья была похоронена близ церкви в Берёзовике, а Андрей – в ограде суздальского монастыря (ВР. С. 152).

⁵⁸ ГАИО. Ф. 107. Оп. 1. Д. 41.

⁵⁹ Там же. Д. 66. Л. 27 об.

⁶⁰ Там же. Д. 54. Л. 20 об.

⁶¹ Там же. Д. 105. Л. 330–330 об.

⁶² Там же. Д. 20, 23–25, 28.

книжек, так что каждому было где записать любые мысли в тот момент, когда они появились; время от времени родственники обменивались записями и комментировали чужие заметки. Андрей (служивший в армии) обозначил записные книжки на титульных листах как правый и левый «фланги», тогда как Яков (служивший во флоте) называл их книгами левого и правого «бортов».

Наталья начала вести заметки, составляя простые списки доходов и расходов, но в конце концов они превратились в череду дневниковых записей (дополнявших сведения о расходах и доходах, которые теперь записывались сплошным текстом): то были заметки о покупках, ее собственной работе и работе в усадьбе, за которой она наблюдала, ее здоровье, приездах и отъездах родственников и посетителей. В свою очередь сын Чихачёвых Алексей в свой десятый день рождения, следуя пожеланию отца, начал вести дневник и вновь вернулся к этой привычке во время первых летних каникул, когда приехал домой из пансиона⁶³. Он вел еще один дневник в первый год военной службы за границей, в Вильно (ныне Вильнюс, столица Литвы). Однако дочь Александра практически не оставила следов в семейном архиве, если не считать упоминаний о ней в дневниках и письмах ее родных. Скорее всего, все бумаги были переданы ее сыновьям, а впоследствии утрачены. В результате есть лишь два документа, написанные ее рукой: практически одинаковые шаблонные записи, адресованные дяде Якову в книжке с «почтовыми сношениями» 1836 года, когда Александре было семь лет⁶⁴. В некоторых письмах из архива Чихачёвых, относящихся к более позднему времени, есть упоминания о написанных ею письмах, но ни одно не сохранилось.

Одну из причин ведения дневников Андрей излагал в посвящении, предпосланном его кратким воспоминаниям о благочестивом затворничестве (датируемом 1852–1857 годами): «Прошу потомков моих беречь сию рукопись, может быть она со временем возбудит в ком-нибудь охоту к подражанию»⁶⁵. Гораздо ранее, в момент изобретения «почтовых сношений», Андрей писал об их назначении скромнее; так, в его первой записи в книжке (от 3 февраля 1834 года) говорится: «№ 1. Так как записки могут в последствии времени быть любопытны <...> я учредил книгу, которую и буду посылать всегда с тем чтобы ответ был написан на ней же. — И так прошу Р-У-Д-А-Р-Ь <sic> ответ ваш начать здесь теперь же»⁶⁶. На это Яков ответил: «Eh! bien, soit № 1». Несколькими днями позднее Андрей поздравил себя с новой забавой и пророчески предсказал, сколь интересны эти бумаги могут оказаться для потомков:

Право я молодец на выдумки!!! — Вить вот сии исписанные тетради и для нас будут очень любопытны; — а для детей наших??? — а для внучат??? а для правнучат??? — в 1934 году каждый лист шуточного нашего почтового сношения оценится в несколько рублевиков... Как обогатится потомство наше??? Чернавины и Чихачовы будут миллионеры!!!⁶⁷

Можно предположить, что Андрей не догадывался о том, сколь верным окажется его предсказание, хотя оно не исполнилось в указанный им срок и пока еще никого не озолотило. В любом случае чуть более года спустя Андрей заявил, что вовсе не хочет, чтобы его запомнили ради него самого, сказав: «Мне бы хотелось жить в памяти позднейшего потомства? А для чего? Мягче ли будет от того лежать костями в земле? Или и тогда еще можно будет слышать отзывы людей?»⁶⁸

⁶³ ГАИО. Ф. 107. Оп. 1. Д. 128. Л. 1.

⁶⁴ Там же. Д. 66. Л. 144, 150.

⁶⁵ Там же. Д. 100. Л. 1.

⁶⁶ Там же. Д. 57. Л. 2. Слово «рударь» было, по-видимому, семейной шуткой, а не ошибкой, поскольку оно написано крупными, аккуратными буквами.

⁶⁷ Там же. Л. 3.

⁶⁸ Там же. Л. 83 об.

Вечная слава, желанная или нежеланная, не была единственной целью или преимуществом переписки, красочно описанной Андреем как «энциклопедико-мозаичная рукопись или почтовая тетрадь»⁶⁹. Записные книжки позволяли Андрею, Якову и Наталье освободиться от ограничений вежливых эпистолярных формул того времени, формул, которых они придерживались в любом письме, не относившемся к «почтовым сношениям», – даже в переписке друг с другом. Что характерно, Андрей находил эти ограничения особенно обременительными; он с великой готовностью отбрасывал и даже высмеивал их:

Ну! Не правда ли, что тетрадь сношений милее всяких форменных писем? Для меня право, право так. – Терпеть не могу этих: Милостивый Государь, Любезный друг; остаюсь на всегда, и тому подобное. Ну что это за пошлости. То ли дело почеркивать параграфами в тетрадке сношений? Лихо-чудно-важно-славно-дивно-потешно-честно-мило-браво-и сорок раз тра-тара-рах-трах-трах!!!! – Ха! Ха! Ха! Уморил проклятый!⁷⁰

Когда корреспонденты возвращались к более привычным формальностям, Андрей им выговаривал. В 1835 году он разбил Якова за использование в заметках официального языка (Яков послал ему книги и употребил выражение «при сем посылаются»): «Видишь выдумал при сем, присем! Обязан сударь начинать восторженнее, величественнее, интереснее (не торопись всегда, подумай и пр.)»⁷¹. Вероятно, Андрей был склонен прибегать к столь строгим мерам потому, что эта неформальная переписка составляла смысл его жизни; он ясно дал это понять, написав Якову в 1835 году: «Вообрази только что, только-что встал с постели я, и не умыв своего тела уже и за перо, чтобы изготавить статейку и отослать в Берёзовик». Он предвкушал, как Яков удивится: «Да разве нельзя без этого обойтись?» – и отвечал воображаемому собеседнику: «Нельзя, сударь!»⁷²

В начале 1835 года Андрей и Яков осознали пользу ведения постоянной переписки, и Андрей предложил подойти к делу серьезнее и вести личные записи, как и переписку, в переплетенных книгах (по-видимому, до того момента использовались разрозненные листы). Эти новые записные книжки в конце концов превратились в «дневники-параллели», которые оба вели во второй половине 1830-х и, в случае Андрея, на протяжении большей части 1840-х годов. В них они записывали события каждого дня в колонках, разделенных по годам, так что каждую запись можно было сравнить с тем же днем предшествующих лет. Как обычно, вдохновителем был Андрей, который говорил Якову: «Ежели ты замечаешь, что Дневник есть вещь неплохая». Затем Андрей добавил список преимуществ переплетения дневников и ведения их параллельными колонками: это позволило бы сопоставлять происходящее с событиями, имевшими место в предыдущие годы; страницы бы не мялись, а дневник приобрел бы «солидный» вид; наконец, если бы книга была достаточно толстой, ее также можно было бы использовать для ведения «хозяйственного алфавита»⁷³. У обоих уже были подобные архивы, содержавшие, к примеру, каталоги домашних библиотек, заметки о работах в саду, рисунки, схемы и справочные материалы, переписанные из книг и журналов. Яков откликнулся на предложение Андрея с энтузиазмом: «Я с тобою совершенно согласен, что гораздо удобнее-приличнее-красивее завести книгу для дневных записок в переплете!» Но, как это ему свойственно, далее он сделал слегка обескураживающее замечание: «Жаль только то, что сколько мне ни

⁶⁹ Там же. Л. 91.

⁷⁰ Там же. Л. 43 об.

⁷¹ ГАИО. Ф. 107. Оп. 1. Д. 59. Л. 69 об. Можно сравнить почтовые сношения Чихачёвых с такими журналами эпохи раннего романтизма, как немецкий *Athenaeum*. См.: *Frazier M. Romantic Encounters: Writers, Readers, and the «Library for Reading»*. Stanford: Stanford University Press, 2007. P. 6–7.

⁷² ГАИО. Ф. 107. Оп. 1. Д. 57. Л. 76 об.

⁷³ Там же. Л. 86 об.

случилось видеть подобные книги в Суздале и Шуе – все они составлены из бумаги менее нежели посредственной доброты»⁷⁴. Качество было важно: предполагалось, что эти книги будут храниться долго и в ближайшем будущем к ним часто станут обращаться.

Эти записи появляются в переписке всего лишь через несколько страниц после того, как Андрей признался, что перечитывал свои старые дневники, и кратко пересказал зятю содержание своих дневниковых записей за неделю. Некоторые пометки свидетельствуют о том, что Андрей регулярно перечитывал свои бумаги, а также читал дневники Алексея. И хотя поначалу Яков, возможно, пошел на поводу у своего эксцентричного зятя, рассчитывая просто посмеяться над ним, вскоре он с тем же энтузиазмом начал сохранять и перечитывать семейные бумаги. В начале 1835 года он сообщил Андрею, что наткнулся на «пакет» писем от своей матери, брата, сестры, «дяди» (Тимофея Крылова) и близкого друга Николая Яковлевича Черепанова, добавив, что, «обрадовавшись такой находке, давай перечитывать все, совершенно все – право это весьма приятно – и я теперь на опыте вижу как хорошо и полезно сохранять письма, в особенности от людей нами любимых»⁷⁵.

О том, что в семье дневники вели вполне сознательно (и о том, что внукам Андрея по меньшей мере было известно о призыве подражать ему), свидетельствует тот факт, что в период с 1883 по 1885 год сын Алексея Константин также вел записи. Он начал это, выполняя обещание, данное другу, Николаю Ивановичу, несмотря на то что сомневался в своем терпении и наличии для этого «обстоятельств и времени». Он уже пытался вести дневник и не преуспел, когда «побуждаемый примером своего деда» ничего не достиг, и, «к стыду своему», признавал, что «причиной тому – моя дурацкая лень». Однако он продолжал уговаривать себя: «Убежден, вести запись своей жизни и все что тебя окружает весьма и весьма полезно и поучительно; записывая все подробно даже все промахи и проступки совершившиеся невольно затем <...> впоследствии задумаешься и постарайся переломить себя». Кроме того, дневник помогает запомнить какую-нибудь мысль и «обдумать ее со всех сторон, а если понадобится то и привести что либо задуманное в исполнение». Константин заключает: «Прошу не взыскать, как умею так и буду писать, хоть будет под час и не складно, где и не ладно, ну да авось не взыщут – пишу для себя и Николая Ивановича, затем, по правде сказать, вовсе и не желаю, что бы ктонибудь и читал»⁷⁶. К сожалению, Костя оказался не таким дисциплинированным, как Андрей, и через два года забросил весьма отрывочный дневник, поскольку это оказалось «ужасно скучным занятием»⁷⁷. Этими словами Костя положил конец семейной традиции, начатой в 1793 году первым флотским дневником Ивана Чернавина.

Большинство сохранившихся документов Чихачёвых датируется периодом с 1830 по 1850 год, что выпадает на большую часть правления Николая I. В российской культурной памяти Николай I чаще всего присутствует как деспот, некомпетентный правитель, пытавшийся контролировать своих подданных на всех уровнях, вплоть до мелочей, отец семейства, твердо придерживающийся тех ценностей, которыми была знаменита его английская современница, королева Виктория, и слабый, недостаточно образованный, упрямый мракобес⁷⁸. Все это не очень далеко от истины. Начало правления Николая было омрачено восстанием декабристов, когда небольшая группа дворян-офицеров организовала мятеж, поводом для которого

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ Там же. Л. 85 об.

⁷⁶ ГАИО. Ф. 107. Оп. 1. Д. 116. Л. 3–3 об.

⁷⁷ Там же. Л. 18.

⁷⁸ *Lincoln B. Nicholas I: Emperor and Autocrat of All the Russians*. DeKalb: Northern Illinois University Press, 1989; *Presniakov A. E. Emperor Nicholas I of Russia: The Apogee of Autocracy, 1825–1855*. Gulf Breeze, FL: Academic International Press, 1974 (рус. ориг.: *Пресняков А. Е. Апогей самодержавия. Николай I*. Л., 1925); *Riasanovsky N. Nicholas I and Official Nationality in Russia, 1825–1855*. Berkeley: University of California Press, 1959; *Wortman R. Scenarios of Power: Myth and Ceremony in the Russian Monarchy*. Princeton: Princeton University Press, 1994. Vol. 1. Pt. 4 (рус. пер.: *Уортман Р. С. Сценарии власти: мифы и церемонии русской монархии*. М., 2002. Т. I).

стала смерть Александра I. Они требовали введения конституции и восшествия на престол второго брата Александра, Константина, а не младшего, Николая. Восставшим не было известно, что Константин тайно отрекся от притязаний на престол и что Николай неохотно согласился занять место брата. Он начал свое правление, отдав приказ открыть огонь по «взбунтовавшимся» частям, собравшимся 14 декабря на Сенатской площади, а затем приговорив пятерых вождей декабристов к повешению, а многих других – к сибирской каторге. Казнь через повешение и ссылка этих молодых идеалистов шокировали столичную аристократию. Когда некоторые жены изгнанников добровольно отказались от своего привилегированного положения (и даже оставили детей), чтобы соединиться с мужьями в Сибири, образ окруженных ореолом трагического героизма декабристов попал на плодородную почву, уже подготовленную набравшей популярность романтической литературой.

Николаевская Россия так никогда до конца и не оправилась от последствий беспокойного начала правления. При предшественнике Николая, Александре I, империя пережила вражеское вторжение, из которого вышла торжествующей победительницей Наполеона и, условно, великой европейской державой. Хотя во внутренней политике Александру не удалось выполнить обещания своей молодости и реформировать самодержавие (что стало основным мотивом для действий декабристов), в глазах общества он остался практически безупречным, «благословенным» императором, по образу которого был изваян ангел на вершине Александровской колонны на Дворцовой площади – монумента, названного в честь царя и воздвигнутого в память победы над Наполеоном.

Николай, напротив, казался человеком суровым и холодным. Его особенно презирали интеллектуалы, испытывавшие отвращение к усиленным в его правление цензурным ограничениям. При консервативном министре финансов Егоре Канкрине торговля и промышленность России развивались недостаточно интенсивно, что породило ощущение отставания от западно-европейских стран, где набирала скорость промышленная революция. Хотя Николай признавал необходимость развития российского образования, в особенности в области технических наук, а также создал целую плеяду хорошо образованных юристов, чиновников и ученых, прогресс в области образования сопровождался удушающей цензурой и полицейским надзором. По иронии судьбы университеты стали печально знаменитым «рассадником» тайных «кружков» самообразования студентов, становившихся все более восприимчивыми к идеям, которые власти находили бунтарскими.

Сложившийся при Николае status quo выразился в лозунге «Православие, самодержавие, народность», получившем известность как доктрина «официальной народности» и обозначившем три столпа, на которых покоилось здание Империи. Она подразумевала русскоцентричную природу «православия и народности», ставших фундаментом империи, которая издавна была многонациональной и жители которой исповедовали различные религии, а также тот факт, что самодержавный строй обеспечивался военным могуществом и достаточно жестким режимом управления. На протяжении большей части царствования Николаю I удавалось избегать участия в крупных международных конфликтах, но, жестоко подавив Польское восстание в 1830–1831 годах (его сын и наследник последовал его примеру, точно так же отреагировав на следующее Польское восстание 1861–1863 годов), он приобрел врагов по всей Европе. Поляки желали либеральных реформ и независимости; те участники восстания, которые пережили его и эмигрировали на Запад (по большей части молодые дворяне, идеалисты и романтики), рассказывали в английских и французских салонах о жестокости русской армии. Частью того же процесса, что вызвал польские восстания, была так называемая «весна народов» 1848 года, когда националисты и либералы попытались свергнуть абсолютистские монархии в Европе, но в конечном счете потерпели поражение. Восстания были подавлены, а старый порядок восстановлен, но после произошедшего монархи не могли не чувствовать, что троны под ними зашатались.

Несмотря на то что кризис 1848 года так и не привел к большим потрясениям в России, оснований для беспокойства у русского царя было больше, чем у многих других правителей. Во-первых, Николай I обладал гораздо большей властью, нежели любой другой европейский монарх, и к тому же имел репутацию деспота. Во-вторых, Российская империя была последним государством в Европе, где использовался рабский труд. Хотя в Соединенных Штатах Америки в то время еще сохранялось рабовладение, англо-американский аболиционизм из маргинального движения начала 1830-х годов превратился к 1860-м годам в широко распространенное настроение (по крайней мере, за пределами Южных штатов) как раз накануне эмансипации – как в США, так и в России.

В то время, когда Николай I правил государством, опираясь в значительной степени на идеи крепостничества, мысль о том, что неограниченная монархия и подневольный труд не имеют нравственных оснований, распространялась в России и странах Запада. Тем не менее Николай в принципе не отрицал необходимости отмены крепостного права и других преобразований, но при этом до самой своей смерти не считал возможным начать реформу, решительно подавляя инакомыслие. В конце жизни Николая, когда Крымская война (1853–1856) продемонстрировала очевидное бессилие и отсталость императорской армии и флота, его правление воспринималось как обман, скрывающий слабость и некомпетентность под прикрытием шовинизма. Его наследник, Александр II, был вынужден негласно это признать и провести Великие реформы 1860-х годов, принесшие с собой освобождение крепостных, реорганизацию судебной системы с введением судов присяжных и другие прогрессивные перемены.

Обладавший прекрасными связями друг Андрея Чихачёва Александр Меркулов, служивший в Инспекторском департаменте Военного министерства, накануне двадцать пятой годовщины правления Николая I писал, что «это для каждого Русского великий праздник <...> Сколько событиями ознаменовано это царствование: сколько сделано преобразований, особенно по военной части – можно сказать камень на камне не остался; сколько замечательных сооружений: Исакиевский собор близок к окончанию; постоянный мост через Неву – чудо искусства – откроется 20 сего ноября; железная дорога [между Петербургом и Москвой] будет кончена к ноябрю 1851 года; сколько везде построено казенных зданий, то всего не перечтешь; история верно поставит это царствование наряду с царствованием Петра I и Екатерины II»⁷⁹. Мнение Меркулова прямо противоположно оценке правления Николая историками: отнюдь не сравнивая Николая с Петром и Екатериной, они отмечают неспособность проведения необходимых социальных и политических реформ, катастрофически низкий уровень экономических инвестиций, в особенности в строительство железных дорог, а также полный провал его дипломатической деятельности. Так по-разному воспринимают одни и те же события высокопоставленный, но особенно ничем не выдающийся консервативный чиновник и те представители российской культурной элиты, которые сформировали существующий до сих пор историографический дискурс.

Что же касается Чихачёвых, то они испытывали лишь непоколебимое восхищение самодержавием и всей императорской семьей и рассматривали события общественной жизни 1830-х, 1840-х и 1850-х годов совершенно в ином свете, нежели интеллектуалы Петербурга или Москвы (или Парижа, или Лондона, или Варшавы). В их записях середины или конца 1820-х годов нет ни одного упоминания восстания декабристов, но, учитывая почтительность, которую они проявляли при любых упоминаниях императорской семьи, известия о восстании должны были бы вызвать у них ужас и замешательство. Молодые аристократы, вовлеченные в восстание, были для такой скромной семьи, как Чихачёвы, фигурами весьма абстрактными. В сравнении с провинциальным образом жизни наших героев жизнь наследников самых бога-

⁷⁹ ГАИО. Ф. 107. Оп. 1. Д. 99. Л. 230–231 об.

тых российских семейств представлялась космополитичной, что в глазах Андрея было равнозначно невоздержанности и разложению.

Во время первого Польского восстания Владимирскую губернию охватила эпидемия холеры. Андрей в это время исполнял обязанности смотрителя участка, на которую был назначен ковровским Комитетом для предохранения от болезни холеры, но в своем дневнике он подробно описывал события в Польше, опираясь на отчеты таких газет, как «Северная пчела», и журнала для отставных военных «Русский инвалид». Позднее, во время революций 1848 года, когда Алексей служил в армейской части, базировавшейся в Польше, семейство с волнением следило заграничными вестями. Еще важнее, чем краткие замечания членов семьи о текущих событиях в дневниках и письмах, то, что они постоянно получали сведения о происходящем в Европе. Распространение периодической печати в провинции – одно из главных событий середины XIX века, изменившее жизнь таких людей, как Чихачёвы и их соседи⁸⁰. Во времена, когда горстка таких русских интеллектуалов, как Александр Герцен, эмигрировала, возмущаясь невозможностью обнародовать свои идеи на родине, провинциальные читатели впервые получили доступ к новостям, художественной литературе, справочникам и модным тенденциям. То, что весь этот материал подвергался жесткой цензуре, вероятно, мало волновало людей, родители которых до той поры никогда не имели такого количества источников информации и чьи ценности и представления о мире по большей части и так были в согласии с николаевской теорией официальной народности.

Таким образом, Чихачёвы, их родные, знакомые и слуги были оторваны от центральных политических событий той эпохи, до сих пор составляющих основу российского историко-графического нарратива. Но в последние десятилетия специалисты стремятся осветить совершенно новые аспекты жизни российского общества, рассматривая новые или слабо изученные стороны. Детальное изучение дневников и переписки Чихачёвых предоставляют нам уникальную возможность заглянуть в мир провинциального помещного дворянства накануне отмены крепостного права.

---

⁸⁰ *Smith-Peter S. The Russian Provincial Newspaper and Its Public, 1788–1864 // The Carl Beck Papers in Russian and East European Studies. Pittsburgh: University of Pittsburgh, 2008. № 1908; Смит-Питер С. Украинские журналы начала XIX века: от универсализма Просвещения до романтического регионализма // История и политика в современном мире / Ред. И. Г. Жиряков, А. А. Орлов. М., 2010. С. 447–461; Глаголева О. Е. Тульская книжная старина: очерки культурной жизни XVIII – первой половины XIX в. Тула, 1992.*

Глава 2

Общество

В дворянской родословной книге Чихачёвы числятся среди тех нетитулованных благородных семейств, которые могут проследить свой род до XVI века⁸¹. Изданный накануне революции «Энциклопедический словарь» Брокгауза и Ефрона сообщает, что предком Чихачёвых был некий Даниил Чихачёв (или Чихачов), живший в конце XV – начале XVI века; он владел землями в Псковской и Воронежской губерниях и упомянут в шестой части «Дворянской родословной книги», а значит, принадлежал к древнему и благородному московскому дворянству. Упомянутый Даниил Чихачёв положил начало трем ветвям семейства: одна осталась в Пскове и Воронеже, вторая в начале XVI века оказалась во Владимирской губернии, а третья в конце концов проявилась в Ярославской и Вологодской губерниях. Есть свидетельства о том, что один из потомков Даниила был воеводой при Иване Грозном (по-видимому, у Андрея не было предков более высокого звания)⁸².

На фамильном древе, нарисованном Андреем на одной из страниц книги «почтовых сношений», прослежена генеалогия семи поколений – до Ивана Чихачёва, жившего в конце XVI века. То, что пять предшествующих Андрею поколений (вплоть до Матвея Чихачёва, жившего в конце XVII века и владевшего землей в Пусторжевском уезде) отражены на этом рисунке верно, подтверждается данными метрических книг и военными документами. Матвей, вероятно, был сыном Степана Ивановича Чихачёва, «убитого литовцами под Друцею» в 1633 году и похороненного в Печерском монастыре под Псковом. По сведениям Фролова, Матвей унаследовал свое имение от бездетного дядюшки Луки – брата Степана Ивановича⁸³. Сын Матвея Степан, следующий в роду, в официальных документах уже фигурирует как помещик Суздальского уезда Владимирской губернии – одного из тех уездов, где впоследствии унаследует собственность Андрей. У этого Степана Матвеевича было три брата; двое также владели землей в Суздальском уезде, а третий был офицером среднего ранга. Один из сыновей Степана Матвеевича, Андрей Степанович, родившийся в правление Петра Великого, а умерший вскоре после восшествия на престол Екатерины Великой, был первым Чихачёвым, о котором известно, что он жил в усадьбе Дорожаево; это был прадедушка Андрея⁸⁴. Когда Андрей писал, что его новый каменный дом предназначен «для потомства», он подчеркивал, что ценность Дорожаево отчасти состоит в его истории: имение было пожаловано царем, передавалось от отца к сыну, и каждое поколение питало надежды содействовать его улучшению⁸⁵. Чихачёвым, получившим Дорожаево от царя, мог быть тот же самый Андрей Степанович. Об этом человеке больше почти ничего не известно, но о его сыне, деде Андрея Михаиле Андреевиче, сохранились более подробные сведения.

⁸¹ Долгоруков П. Российская родословная книга. СПб., 1854–1857. Ч. 1. С. 29. Работа Долгорукова основана на официальных документах, но далеко не полна. В ней упомянуты лишь немногие помещичьи семьи, с которыми Чихачёвы были связаны родственными отношениями. В «Родословном сборнике Российских дворянских фамилий» В. В. Руммеля и В. В. Голубцова (СПб., 1886) упомянуто больше среднепоместных дворянских семей, но все перечисленные там Чихачёвы происходили либо из псковско-воронежской, либо из ярославско-вологодской ветви рода. См. также: ГАИО. Ф. 107. Оп. 1. Д. 79, официальную копию герба Чихачёвых, полученную Андреем в 1841 году. В сопроводительном документе подтверждается социальное положение семьи и то, что род Чихачёвых восходит к XVI веку.

⁸² Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Русский биографический словарь [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.rulex.ru/01240253.htm> (дата обращения: 05.14.07). Петр Александрович и Платон Александрович Чихачёвы, происходившие из псковской ветви семьи, были прославленными путешественниками.

⁸³ Фролов. Первая ковровская библиотека. С. 4–5.

⁸⁴ ВР. С. 151.

⁸⁵ ГАИО. Ф. 107. Оп. 1. Д. 59. Л. 45.

Михаил Андреевич родился в 1729 году и умер где-то в самом конце XVIII столетия, незадолго до рождения в 1798 году внука Андрея. Он был сержантом Невского пехотного полка и вышел в отставку в возрасте двадцати трех лет, владел землями в Суздальском и Владимирском уездах. Михаил был женат на Анне Афанасьевне, урожденной Аксаковой, дочери Афанасия Гавриловича Аксакова (благодаря чему оказался в отдаленном родстве с семейством знаменитых славянофилов). Первым ребенком Михаила Андреевича и Анны Афанасьевны была дочь Елизавета, а следующим (и единственным дожившим до взрослого возраста сыном) – отец Андрея Иван Михайлович, родившийся в 1768 году. Следом родилась вторая дочь, Екатерина.

Иван Михайлович Чихачёв двенадцать лет прослужил в престижном Лейб-гвардии Преображенском полку, но в отставку в звании армейского капитана вышел в 1794 году после службы в малопrestiжном Владимирском гарнизонном батальоне. По традиции офицерами Преображенского полка были наследники именно таких старинных московских семей, как Чихачёвы: необязательно состоятельных, но древних и благородных (самые богатые юноши предпочитали более блестящие части – например, Лейб-гвардии Конный полк). Для офицеров императорской гвардии было обычным делом переводиться в менее престижные части перед отставкой, поскольку это позволяло им перешагнуть через две ступени Табели о рангах (после 1884 года – лишь через одну) и уволиться в более высоком звании⁸⁶. Поскольку звание наряду с именем указывалось во всех официальных документах, а также распространялось на жену и детей, это имело большое значение. Перевод Ивана Михайловича мог произойти как раз по этой причине, хотя он также просто мог захотеть служить вблизи от дома.

Иван женился на Анне Семеновне Куприяновой и в 1794–1796 годах был депутатом Дворянского депутатского собрания (подчинявшегося предводителю дворянства) Суздальского уезда. Он исполнял ту же роль в Ковровском уезде в 1804–1805 годах и был еще раз избран на 1809–1811 годы, но умер в первый год исполнения этой обязанности. Иван владел землями в Ковровском и Суздальском уездах Владимирской губернии и в Саратовской губернии⁸⁷. Анна Семеновна умерла вскоре после рождения Андрея, 20 февраля 1798 года. У Ивана и Анны был еще один, старший, сын, Иван Иванович Чихачёв – «мот», умерший в молодых годах. Он редко упоминается в сохранившихся семейных документах. Собственность Ивана-старшего была разделена между Андреем и Иваном-младшим в 1816 году, но доля Ивана-младшего была взята в 1818 году под опеку из-за его «беспутства»⁸⁸.

Вследствие смерти родителей Андрея воспитывала (вероятно, с раннего детства, практически с момента смерти матери) вдовья тетушка со стороны отца, Елизавета Замыцкая. Ее покойный муж, Иван Глебович Замыцкий, был в том же звании, что и отец Андрея. Он вышел в отставку в 1882 году секунд-майором, позднее получив чин коллежского асессора, и был предводителем дворянства в Вязниковском уезде (1784–1785), а также заседателем 2-го департамента Владимирского верхнего земского суда в 1789 году и депутатом Дворянского собрания Владимирского уезда в 1791–1796 годах, что отчасти совпадает с периодом, когда Иван Михайлович Чихачёв был депутатом Дворянского собрания в Суздальском уезде. Замыцким принадлежали земли в Ковровском и Вязниковском уездах, так что они были соседями Чихачёвых⁸⁹. Андрей вырос, называя сына Замыцких Николая братом, и сохранил близкие отношения по крайней мере с двумя из трех дочерей Замыцких и их семьями (девушки вышли замуж за Авдулина, Языкова и Иконникова, две последних семьи проживали недалеко от Чихачёвых и часто упоминаются в их семейных документах).

⁸⁶ Волков С. В. Русский офицерский корпус. М., 1993. С. 44–45.

⁸⁷ Поскольку это первое упоминание саратовских земель в документах, они могли быть приданы Анны.

⁸⁸ ВР. С. 152.

⁸⁹ Там же. С. 151.

Позднее Андрей жаловался, что он плохо образован, но на самом деле образование, полученное им в частном московском пансионе, было по тем временам весьма впечатляющим для человека его времени и его социального статуса. Как сын офицера-преображенца Андрей должен был иметь неплохие шансы служить в том же полку, но во всех престижных полках русской армии даже в мирное время существовал сверхкомплект молодых дворян в звании юнкера, то есть кандидата на офицерское звание, которым нужно было выдержать конкуренцию друг с другом, заслужить одобрение офицеров полка и часто довольно долго (до нескольких лет) ждать открытия офицерской вакансии. В 1813 году, когда Андрей начинал службу, в гвардейских полках тем более не было недостатка в дворянах, желающих участвовать в подхитившей к концу войны с Наполеоном, несмотря на колоссальные потери русской армии. Судя по всему, Андрей воспользовался преимуществами своего основательного образования. Так как от поступающих на службу дворян требовалась некоторая академическая подготовка, в 1808 году был учрежден так называемый Дворянский полк. Это престижное военно-учебное заведение предназначалось для молодых людей, у которых общеобразовательная подготовка уже была, так что им требовался лишь ускоренный курс непосредственно военных наук, после чего выпускникам быстро присваивался офицерский чин⁹⁰. К тому времени, когда офицерское звание было присвоено Андрею, война с Наполеоном завершилась; во время «Ста дней» он был ненадолго приписан к понтонной роте и выступил с ней на запад, но дошел лишь до Польши⁹¹. Поэтому «военная служба» Андрея по большей части состояла в преподавании в том же учебном заведении, которое он сам окончил. В 1818 году он вышел в отставку в скромном звании подпоручика и вернулся в унаследованное им двумя годами ранее имение Дорожаево. Его готовность стать преподавателем и его нежелание оставаться в рядах послевоенной армии, где в тот момент господствовала «парадомания» и где офицеры большую часть времени были заняты строевой подготовкой и полировкой пуговиц на мундирах (что, в частности, привело к возмущению в Семеновском полку в 1820 году), свидетельствуют о том, что Андрей рано распознал свое призвание как участие в воспитании и образовании.

Семейство Чернавиных (хотя его родословную можно проследить лишь на три поколения от периода жизни Натальи и Якова) было тесно связано с древними и разветвленными кланами Хмелевских и Танеевых. Оба этих рода были способны проследить свое происхождение глубже, чем Чихачёвы (на двенадцать и одиннадцать колен, считая от Натальи), и представители разных ветвей этих родов вступали в брачные отношения друг с другом и проживали во Владимирской губернии, поэтому различные родственники Чернавиных постоянно появляются в документах. Через Чернавиных Наталья была в родстве с Бутурлиными, Ошаниными, Карабановыми и даже в дальнем родстве с неким Алексеем Николаевичем Чихачёвым, который, вероятно, происходил из псковско-воронежских или ярославско-вологодских Чихачёвых.

Наталья Чернавина родилась 26 августа 1799 года и выросла в селе Берёзовик, родовом имении Чернавиных. Не сохранилось документальных сведений о ее образовании, но сопоставление почерка и синтаксиса позволяет предположить, что она получила какое-то формальное светское образование, по меньшей мере сопоставимое с тем, которым могла похвастаться ее мать, Александра Николаевна, урожденная Бутурлина. Отец Натальи, Иван Яковлевич, был капитаном второго ранга во флоте (что соответствовало званию подполковника армии) и кавалером ордена Святого Владимира четвертой степени. Таким образом, происхождение Натальи весьма сходно с происхождением ее супруга: оба рода были достаточно древними, но – к началу XIX века – также сравнительно скромными.

⁹⁰ Волков. С. 109. О русской армии в 1812–1814 годах см.: Ливен Д. Россия против Наполеона: борьба за Европу, 1807–1814. М.: Российская политическая энциклопедия, 2012.

⁹¹ Фролов. Первая ковровская библиотека. С. 6.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.